ПИОНЕР

Февраль—март Издательство „Правда" 1944 г. 2—3

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПИОНЕР

№ 2-3

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

Февраль — март 1944 г.

Издательство „ПРАВДА"

Рождён Петром и Лениным воспитан

Вера Инбер

По городу на мраморе Растрелли,
На кирпиче мы видим иногда
Черту и надпись: «Здесь была вода»—
И думаем с волненьем: «Неужели?»

Как, вероятно, страшно бушевал
И бил по зданиям, как по мишеням,
Привыкший к морю, разъярённый вал;
Какие произвёл он разрушенья!

Потомок наш, увидевши стрелу
И надпись на каком-нибудь углу:
«Здесь были укрепления и щели», —
Подумает с волненьем: «Неужели?»

Взрывной волны неистовый бросок
Размыл до основанья этот угол.
Да, уровень беды тут был высок,
Но для того, чтоб враг пошёл на убыль,

Чтобы разбить, отбросить вражий вал,
Такие вынес город испытанья,
Каких ещё ни разу не знавал
За двести сорок лет существованья.

И он величьем духа своего
Достоин тех, кто создавал его.

Город русской славы

И. Рахтанов

Недавно на Ленинградском фронте произошёл такой разговор: у истребителя танков спросили: чем, с его точки зрения, «пантеры» и «тигры» отличаются от прежних немецких танков?

— По-моему,— посмеиваясь ответил боец,— они дольше горят.

Да, сотни и тысячи их горели на подступах к городу.

Иначе и быть не могло. Великую сокровищницу — свой Ленинград — берёг советский народ. Тут каждый камень связан с его историей.

Недаром Ленинград называют городом Петра Великого, Пушкина и Ленина, не зря о нём говорят как о городе русской славы.

Основанный указом Петра, «ногою твёрдою ставшего у моря», город привлёк к себе талантливейших зодчих, украсился набережными и дворцами, расположившимися по берегам державной Невы.

Хорош Ленинград в белые ночи, когда нет луны и солнца нет, но светло, и тихие громады зданий стоят под высоким и лёгким северным небом.

Всё обдуманно в этом пейзаже, всё тут на месте: вот широкая перспектива Невского проспекта, вот узкая Лебяжья канавка, у которой пела Лиза из «Пиковой дамы», вот вздыбленный конь Петра топчет змею на памятнике гениального Фальконета, а рядом из-под арки уходит Галерная улица — может быть, самая красивая в мире. И дальше Гавань, Новая Голландия—снова петров след, снова свидетельство точного глазомера великана.

С большой славой большой страны связана большая судьба Ленинграда. Каждое движение этой судьбы оставляло свой отпечаток на мраморе и граните города.

Возникает в России промышленность — и дымом фабричных труб застилаются питерские окраины, по берегам Обводного канала располагаются заводы — самые большие в империи.

В недрах рабочего класса начинает пробуждаться самосознание — и первые забастовки, первые герои революционного подполья — в Питере. Сюда спешит молодой Ленин, сюда с Кавказа приезжает Сталин. Здесь колыбель революции. Здесь она зреет.

Вот Петергоф, такой, каким он был до войны,—весь сверкающий, праздничный, великолепный. Этот прекрасный дворец, этот величавый старый парк, пышные фонтаны, статуи, причудливые гроты мы любили и как воплощение красоты и как живой чудесный памятник былого.

Дорогие памяти русского народа могилы находятся в городе. Здесь похоронены Суворов, Кутузов, Александр Невский.

Над могильной плитой Суворова склонилось алое бархатное знамя. К нему часто приходят бойцы Ленинградского фронта. Они стоят под портретом фельдмаршала, его ученики, его внуки. Это их пушки и танки 14 января 1944 года пошли в наступление, и никакая немецкая долговременная глубокоэшелонированная оборона не могла противостоять священному напору.

Гулко отдаются шаги в пустом помещении церкви. Молча стоят бойцы Ленинградского фронта. Но каждый, смотря на эту простую мраморную плиту с надписью «Здесь лежит Суворов», думает об одном.

«Русские прусских всегда бивали»,— сказал фельдмаршал. Мы прибавляем: «Бьём и будем бить».

Неподалеку от церкви, где похоронен Суворов, на Староневском проспекте, стоит большой дом, разрушенный артиллерийским снарядом. Тут жили люди, торговали магазины, дети играли в скверике перед домом. Мы не знаем, в какое время суток снаряд попал сюда: в последние месяцы немцы обстреливали Ленинград в любой час.

Радио не прекращало работы, однообразно и томительно бил метроном. Он останавливался только за тем, чтобы уступить место голосу диктора, сообщавшего: «Начался артобстрел вашего района, уходите в укрытие».

Ленинградцы не шли в укрытие. Они оставались дома, на улицах, у станков, в конторах. Война стала для них бытом. Об артиллерийских обстрелах принято было не говорить. Но, садясь в трамвай, человек никогда не знал, доедет ли он. Уходя на работу или в школу, вы никогда не могли сказать, вернётесь ли. И, оставаясь дома, вы не были уверены, что не умрёте смертью солдата на передовой.

Да, всё это время прекрасные проспекты, площади, скверы и парки Ленинграда были передовой линией великой битвы. И каждый ленинградец, сколько бы лет ему ни исполнилось, становился бойцом.

Здесь не было фронта и тыла. «Все живут одной мыслью, одним духом — всё сделать для разгрома врага... Каждый ленинградец, мужчина и женщина, нашёл своё место в борьбе и честно выполняет свой долг советского патриота»,— так сказал о защитниках Ленинграда руководитель ленинградских большевиков товарищ Жданов.

Большевистская партия вела ленинградцев к победе, большевистская партия возглавила борьбу за великий город.

Любовь всего народа к Ленинграду, сознание, что вся страна сражается за него, поддерживали ленинградцев в самые трудные минуты.

Немцы разрушили Петергоф. Пустая, развороченная коробка — вот что осталось от Большого Петергофского дворца. Пышные залы завалены щебнем, на месте фонтанной аллеи, идущей от дворца к взморью, только унылый заснеженный котлован. Таким увидели Петергоф наши бойцы, освободившие его от врага.

В истории осад не бывало такого. Двадцать восемь месяцев город жил в непосредственной близости от неприятеля — и день ото дня становился всё сильнее и сильнее.

Страшной была зима 1941—1942 года. Была блокада, и голод был. Замёрз водопровод. Ленинградцы забыли звук паровозного гудка: уже давно к перронам вокзалов не подходили поезда. Остановился трамвай. Ртуть в градусниках неизменно падала. Но ни на минуту не прекращалось сопротивление города.

Ленинград выжил наперекор всему — и зиму сменила весна. На притихшие улицы вышли люди, вышли с кайлами и кирками в руках. Зазвенел, раскалываясь, лёд, казалось, навеки сковавший город. Ленинград вновь ожил.

Как полярники, ленинградцы привыкли жить на «Малой земле» — так они называли свой город. Им было труднее, чем папанинцам на льдине: тех не обстреливала дальнобойная немецкая артиллерия. Здесь же немцы били по трамвайным остановкам, по скоплению народа. Они уже знали: города им не взять, осталась только бессмысленная злоба, и вот все они — от генералов до солдат — утоляли её обстрелами.

За два с половиной года всё в городе было немцами пристреляно. Им было точно известно, откуда и как бить, чтобы попасть в трамвайную остановку на углу Садовой и Невского. Их не смущало, что тут расположена знаменитая Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина. Что варвару библиотека? Остановку эту в последние дни пришлось снять, и вагон безостановочно пролетал большое расстояние по Невскому — от Литейного проспекта до Казанского собора.

Звенели стёкла, дрожали сотрясённые силой воздушной волны стены зданий, но город оставался прекраснейшим.

* * *

Утром 14 января 1944 года, когда немцы, поёживаясь от сырости, сидели в тёплых землянках, пошла бить наша артиллерия.

Всё уничтожалось, всё горело — металл, бетон, люди, фураж, порох, динамит, толь — всё грохотало, взрывалось, корёжилось, полыхало во всепожирающем пламени.

Грохот стрельбы сотрясал Ленинград.

А город ещё не знал, бьют ли по нему или он это бьёт. И люди спрашивали друг у друга: «Кто это?... Мы их? Они нас?..»

Скоро стало ясно — мы! Мы бьём, мы взламываем немецкую долговременную, глубокоэшелонированную оборону.

Такой силы огня не видели и не слышали даже ленинградцы. Беспрестанно звенели стёкла в уцелевших окнах, и люди с уважением поглядывали на них: «Чорт побери, они прошли через блокаду!»

Ночью стоял грохот. И дальние сполохи разры-

Вечер 27 января надолго запомнят ленинградцы. В этот вечер, в 20 часов 00 минут, героический город салютовал своим защитникам — войскам Ленинградского фронта. Мощные залпы потрясали воздух. Прожектора и ракеты освещали величавые здания, широкие проспекты, простор скованной льдом Невы. Её гранитные набережные были особенно прекрасны в эти минуты.

ков освещали улицы багровыми отсветами. Ни минуты покоя, ни мгновения тишины не было в этом сражении. Утром снова шквалы сменяли друг друга, садился пушистый снег и солнце ещё не выглянуло из тумана. Так продолжалось три дня.

19 января вся страна услышала по радио приказ Верховного Главнокомандующего: войска Ленинградского фронта прорвали немецкую оборону, взяли Красное Село и Ропшу. Наступление развивалось. Впервые за два с половиной года оказалось, что Петергоф, Стрельня, Урицк и Красногвардейск недалеко от Ленинграда, что туда можно проехать на машине.

Армия наступала неудержимо. Возник анекдот, что немцы разбрасывают листовку «Русс, не догонишь!»

Да, они улепётывали. Все их моторы были пущены в ход. Немецкая армия, считавшая себя непобедимой, отступала оттуда, где пакостила целых двадцать восемь месяцев.

А красные воины спешили. У них были свои счёты с каждым из немецких солдат. Они настигали их, били, уничтожали. Они окружали их, и тогда немцы под конвоем — да, да, под конвоем! — поворачивали и шли в Ленинград, шли туда пленными и впервые видели величественные проспекты, которые так безжалостно уничтожали.

Мимо разрушенных зданий двигались немецкие варвары. На Невском им показали снятую трамвайную остановку у Публичной библиотеки.

— Мы не обстреливали Ленинград,— бормотали пленные,— мы не обстреливали Ленинград. Гитлер — капут!

* * *

Кончились страдания города, наступила тишина.

Потом Ленинград озарился зелёными, красными, жёлтыми огнями, и впервые за многие месяцы люди увидели его вечером. В салют он попрежнему был прекрасен. Стояли у набережной корабли Балтийского флота, но не тронутым бомбёжкой мостам шёл трамвай.

В эту ночь радио не могло закончить своей работы. Оно передавало бесконечный радостный концерт. В домах люди танцовали, они танцовали и на площадях. Не стало незнакомых. Все знали друг друга в эту светлую ночь.

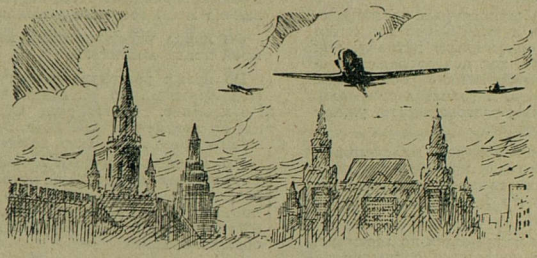
А назавтра в городе усилилось уличное движение. И люди спокойно ехали на работу. Меньше было военных, и опустел магазин «рядового и сержантского состава» на углу Литейного и Невского.

Фронт ушёл из Ленинграда. Он шагает теперь по дорогам Эстонии. Впереди у него отступающий фриц, которого он бьёт и с которым обязательно сведёт все счёты.

★

Герой Социалистического труда

А. С. ЯКОВЛЕВ



Рассказы из жизни

(Окончание.)

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Уже больше десяти лет я любовался первомайскими и октябрьскими парадами на Красной площади. Но никогда меня не охватывало такое волнение, как 1 Мая 1939 года. В этот день над Красной площадью в числе других должны были пронестись новые, быстроходные боевые самолёты, которые я сконструировал.

Мне казалось, что пехотные, танковые, мотомехчасти, артиллерия и конница бесконечно, томительно медленно проходят по Красной площади. Хоть я и знал, что самолёты появятся лишь в 12 часов, я чуть не с самого начала парада смотрел через башни Исторического музея в сторону аэродрома.

Наконец, все наземные виды оружия прошли, промаршировал и громадный, больше тысячи человек сводный оркестр частей Красной Армии, исполняя на ходу марш.

Уже двинулись через площадь колонны демонстрантов с красными знамёнами, лозунгами и портретами, когда, наконец, показались самолёты.

Ровным, чётким строем, эскадрилья за эскадрильей, пронеслись над площадью двухмоторные бомбардировщики. Их было несметное количество.

За бомбардировщиками прошли истребители — бипланы. Они летели растянутой цепью через равные промежутки времени, как волны прибоя.

За бипланами с ещё большей скоростью пронеслись истребители-монопланы и скрылись из глаз где-то за Замоскворечьем.

Прошли последние волны истребителей, не стало слышно рёва моторов — и сразу на Красной площади стало тихо.

Непосвящённые люди могли подумать, что воздушный парад кончился. Но я-то хорошо знал, что теперь появятся именно те самолёты, которых с таким волнением ждал я.

И вот, когда горизонт очистился от всех самолётов, в створе между двумя башнями Исторического музея показалось несколько точек. Быстро увеличиваясь в размере, они приближались к Красной площади.

Не отрываясь, до боли в глазах, следил я за приближающейся группой самолётов. Вокруг хлопали в ладоши и восторженно кричали:

— Новые! Новые истребители!.

Но недолго пришлось смотреть на эти самолёты. Вихрем пронеслись они над площадью, круто взмыли вверх и как бы растаяли в чистом небе на глазах у изумлённой толпы, вызывая восхищение и гордость за нашу авиацию.

Невозможно передать, что я переживал в этот момент,— ведь в числе новых самолётов, промчавшихся над Красной площадью, были десятки моих, принятых на вооружение нашего Воздушного Флота.

Слёзы невольно застилали мои глаза. Я был безмерно счастлив.

НАГРАДА

После первых испытательных полётов моей новой боевой машины, когда стало бесспорным, что она опередила по своим лётным качествам другие самолёты, однажды вечером меня неожиданно вызвали к товарищу Сталину. Это было 27 апреля 1939 года.

Я был охвачен необыкновенным волнением. По дороге в Кремль я тысячу раз мысленно представлял себе предстоящую встречу: как я подойду к Сталину, как поздороваюсь, старался угадать, о чём он меня спросит и как мне надо ему отвечать. Я трепетал от мысли, что сейчас буду с ним разговаривать, увижу кабинет, где он работает.

В вестибюле приёмной два молоденьких лейтенанта, проверив мой пропуск, так лихо козырнули и так приветливо улыбнулись, что мне показалось, будто и они сочувствуют моим переживаниям.

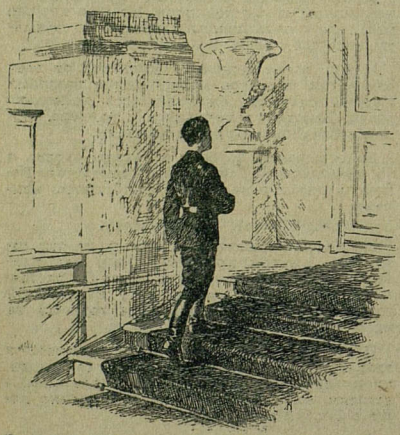
Я с благоговением поднимался по лестнице, устланной красным ковром, и, открывая за ярко начищенную медную ручку большую двухстворчатую белую кремлёвскую дверь, думал, что, может быть, совсем недавно здесь же проходил и дотрагивался до этой ручки Сталин.

Пройдя несколько больших комнат, я очутился в секретариате.

— Конструктор Яковлев? Товарищ Сталин назначил вам в 6 часов, а сейчас 5 часов 45 минут, — сказал секретарь и попросил меня подождать.

Точно в назначенное время меня пригласили пройти в кабинет. Задыхаясь от волнения, я вошёл.

Там, кроме Сталина, были Ворошилов и Молотов.



Я с благоговением поднимался по лестнице, устланной красным ковром...

Сталин пошёл навстречу и пожал мне руку. Потом со мной поздоровались Ворошилов и Молотов.

Не скажу, что когда я вошёл в кабинет, моё волнение сразу как рукой сняло, нет, но постепенно оно ослабевало. Меня встретили очень тепло. Своим рукопожатием, ровным голосом, походкой товарищ Сталин действовал на меня особенно успокаивающе.

Он начал расспрашивать меня о работе, о моей новой машине.

Во время разговора с ним я, конечно, не мог внимательно разглядывать обстановку. Но кабинет, где товарищ Сталин работает, где он творит великие дела, невольно на всю жизнь врезался в мою память.

Признаться, в первый момент я был как-то разочарован, может быть, потому, что заранее себя настроил, воображая, что такого необыкновенного, великого человека, как Сталин, и обстановка должна окружать какая-то необыкновенная.

Меня поразили исключительная простота и скромность во всём. Большой кабинет со сводчатым потолком выходит тремя окнами на кремлёвский двор. Белые, гладкие стены, снизу, в рост человека, облицованы светлой дубовой панелью. Справа, как войдёшь, стоит витрина с посмертной маской Ленина. Налево большие стоячие часы в футляре чёрного дерева с инкрустацией. Через весь кабинет постлана ковровая дорожка к письменному столу. На столе много книг и всевозможных материалов. За столом кресло, слева от кресла телефонный столик с телефонами. Телефоны разного цвета, чтобы не перепутать. Над письменным столом известный портрет Ленина, выступающего на трибуне. Слева от стола, в простенке между окнами, стеклянный книжный шкаф. Я успел заметить некоторые книги: полное собрание сочинений Ленина, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Большая Советская энциклопедия...

Вдоль противоположной стены кабинета, на которой висят портреты Маркса и Энгельса, стоит длинный стол, покрытый тёмным сукном, к столу придвинут ряд стульев. В тот момент, когда я вошёл, Сталин сидел в дальнем конце за этим большим столом, Молотов и Ворошилов — справа и слева от него.

Из кабинета раскрыта дверь в следующую комнату, стены которой сплошь увешаны географическими картами. По середине комнаты стоит огромный глобус.

На письменном столе я увидел модель самолёта с надписью «Сталинский маршрут». На этом самолёте Чкалов, Байдуков и Беляков совершили в своё время замечательный перелёт в Америку через Северный полюс.

По мере того как разговор углублялся в техническую область, в мою родную стихию, я всё больше и больше успокаивался, а к концу разговора и совсем освоился. Сталин, Молотов и Ворошилов вели со мной разговор так просто, что я перестал стесняться и, отвечая на их вопросы, уже не подыскивал слова,

как вначале, а разговаривал так, как будто виделся с ними много раз.

После того как был решён ряд вопросов о моей дальнейшей работе, Ворошилов что-то написал на листочке бумаги и, лукаво поглядывая на меня, показал Сталину, который, прочтя, кивнул головой в знак согласия. Тогда Ворошилов прочитал текст ходатайства перед Президиумом Верховного Совета о награждении меня орденом Ленина, автомобилем «ЗИС» и премией в сто тысяч рублей. Это ходатайство тут же все трое подписали.

Я никак не ожидал такой награды и так растерялся, что даже не поблагодарил. Единственное, что я ещё нашёлся сказать, — это то, что работал не я один, а целый коллектив и что награждать меня одного было бы несправедливо. На это Сталин ответил, что нужно немедленно представить список моих сотрудников, которые работали над новой машиной, с тем чтобы их также наградить.

После этого со мной очень тепло, дружески попрощались, пожелали дальнейших успехов в работе и отпустили.

Это была моя первая личная встреча со Сталиным. Она оставила во мне глубокое впечатление и имела громадное значение для меня и для всей моей будущей работы.

Домой я пришёл довольно поздно. Мама была дома, она знала, у кого я был, но, видя, в каком возбуждённом состоянии я вернулся домой, не надоедала мне расспросами. О том, что меня обещали наградить орденом Ленина, я ничего ей не сказал. «Зачем, — думаю, — говорить, что решено ходатайствовать о награждении? Когда наградят, тогда и скажу».

Я долго не мог заснуть, перебирая в памяти происшедшее. Заснул только под утро. Просыпаюсь, смотрю: мама стоит и плачет. Я со она ничего не понял. Испугался.

— Что ты плачешь? — спрашиваю. — Что случилось?

— Вот от людей последняя узнала!

— Что ты узнала?

— Ты от меня скрывал. Тебя наградили?

Тут я догадался, в чём дело, хотя и сам ещё не знал подробностей.

Оказывается, мама пошла утром за молоком, а лифтёрша ей и говорит:

— Поздравляю вас, вашему сынку такая награда!

Потом уж мама достала газету и прочитала. Она плакала и от счастья и от обиды, что я накануне вечером ей ничего не сказал.

Целый день были сплошные поздравления! Я совсем замучился.

Утром на заводе я составил список работников, заслуживающих награждения.

Лёг спать я в этот день рано, радостный, взволнованный событиями вчерашнего вечера, и сразу крепко заснул.

Меня разбудил звонок по телефону.

— Конструктор Яковлев? Говорят из секретариата товарища Сталина. Позвоните товарищу Сталину, он хочет с вами говорить.

Мне дали номер телефона.

В страшном смятении набрал я этот номер и вдруг сразу слышу знакомый голос:

— Здравствуйте! Передо мной лежит список ваших конструкторов, представляемых к награде орденами. Вы, кажется, забыли лётчика. Что-то я его здесь не вижу.

— Как же, товарищ Сталин, лётчик там есть, он представлен к награде орденом Ленина.

— Ах, верно, верно! Это я, значит, пропустил. А как дела у вас?

— Хорошо, товарищ Сталин.

Вот тут бы поблагодарить его — такой удобный случай! — а я опять забыл и повторяю:

— Всё в порядке.

— Ну если в порядке, — хорошо, будьте здоровы, желаю успеха.

И, только положив трубку телефона, я понял, что опять сделал оплошность и не поблагодарил за награду. Меня это страшно мучило.

27 апреля меня наградили, а 29-го телефонный звонок из Совнаркома.

— Почему вы не получаете автомобиль? Приказано вручить его вам до праздника 1 Мая.

Я отвечаю:

— Мне не к спеху, я могу и после праздника.

— Нет, приказано вручить к празднику.

Через несколько дней Сталин вновь меня вызвал. Тут я уже нашёлся и стал его благодарить и за себя и за свой коллектив. Я сказал ему, что это награда не по нашим заслугам, что впредь я, конечно, постараюсь оправдать её.

Сталин ответил, лукаво посмеиваясь:

— Что ж благодарить? Если человек хорошо работает и заслужил награду, что ж благодарить? Сами себя и благодарите.

О ВЕЛИКОМ И ПРОСТОМ ЧЕЛОВЕКЕ

После первой встречи со Сталиным мне приходилась ещё не раз встречаться с ним по работе, и всё больше и больше раскрывается передо мной образ этого великого человека.

Сталин во всём, что касается лично его, исключительно прост.

Во время разговора он мягко прохаживается по кабинету. Слушая собеседника, очень редко перебивает его, даёт высказываться до конца.

Я заметил, что на заседаниях в правительственных учреждениях ему часто посылают записки. Он всегда прочитает записку, сложит аккуратно и положит в карман. Ни одна из них не остаётся без внимания.

Сталин не терпит поверхностности и совершенно безжалостен к тем, кто при обсуждении какого-нибудь вопроса проявляет незнание дела. Таких людей он остро и едко критикует, поэтому выступать легкомысленно в его присутствии отпадает охота раз и навсегда.

Требовательность в работе — характерная черта Сталина. Не раз мне приходилось быть свидетелем такого разговора. Даётся какое-нибудь задание ответственному работнику. Тот говорит:

— Товарищ Сталин, срок мал, а дело это очень трудное!

Сталин в ответ:

— А мы здесь только о трудных делах и говорим. Потому-то вас и пригласили сюда, что дело трудное. Скажите лучше, какая вам нужна для этого помощь, и сделайте всё, что надо, и к сроку.

Сталин любит, чтобы на его вопросы давали короткий, прямой и чёткий ответ, без вихляний. Обычно тот, кто в первый раз бывает у него, долго не решается ответить на заданный вопрос, старается хорошенько обдумать ответ, чтобы не попасть впросак. Так и я в первое время, прежде чем ответить товарищу Сталину на какой-нибудь вопрос, мялся, смотрел в окно, на потолок.

А Сталин, смеясь, говорит:

— Вы на потолок зря смотрите, там ничего не написано. Вы уж лучше прямо смотрите и говорите, что думаете. Это — единственное, что от вас требуется.

Как-то на прямо поставленный вопрос я затруднился ответить, не знал, как воспримет мой ответ Сталин, понравится ли ему, что я скажу.

Он заметил это и серьёзно сказал:

— Только, пожалуйста, отвечайте так, как вы сами думаете. Не старайтесь сказать то, что мне может понравиться. Не нужно этого. Мало пользы получится от нашего разговора, если вы будете угадывать мои желания. Не думайте, что если вы скажете невпопад с моим мнением,—это будет плохо. Вы специалист. Мы с вами разговариваем для того, чтобы у вас кое-чему поучиться, а не только, чтобы вас учить.

Характеризуя одного руководящего работника, которого в своё время освободили от должности, товарищ Сталин сказал:

— Что в нём плохо? Прежде чем ответить на какой-нибудь вопрос, он прямо-таки по глазам старается угадать, как нужно ответить, чтобы не получилось невпопад, как сказать, чтобы угодить. Такой человек, сам того не желая, может принести большой вред делу.

Как-то раз Сталин сказал:

— Если вы твёрдо убеждены, что правы, и сумеете доказать свою правоту, никогда не считайтесь с чьими-то мнениями, а действуйте так, как вам подсказывают ваш разум и ваша совесть.

Сталин не терпит безграмотности.

Когда ему дают неграмотно составленные документы, он возмущается:

— Вот безграмотный человек, а попробуй упрекнуть, сейчас начнёт свою неграмотность объяснять рабоче-крестьянским происхождением. Это неправильно. Это некультурность, неряшливость. Особенно в оборонном деле недопустимо рабочим и крестьянским происхождением объяснять недостатки своего образования, свою техническую неподготовленность, некультурность или незнание дела. Враги нам скидки на социальное происхождение не сделают. Именно потому, что мы рабочие и крестьяне, мы должны быть всесторонне и безукоризненно подготовлены по всем вопросам не хуже врага.

Некоторым из командиров, которые пытались недостаточное знание дела и особенно сложной боевой техники искупить своей личной храбростью и презрением к опасности, Сталин говорил не раз:

— Многие у нас кичатся своей смелостью. Одна смелость, без отличного овладения боевой техникой, ничего не даст. Одной смелости, одной ненависти к врагу недостаточно. Как известно, американские индейцы были очень храбрыми людьми, но и они ничего не могли сделать со своими луками и стрелами против белых, вооружённых ружьями.

Однажды пришлось мне писать под диктовку Сталина важный документ. Я напрягал все свои грамматические способности. А он диктует и нет-нет да подойдёт и через плечо поглядит, как получается. Вдруг он остановился, посмотрел написанное и моей же рукой с карандашом поставил запятую.

В другой раз я не совсем удачно построил фразу, товарищ Сталин и говорит:

— Что же вы подлежащее после сказуемого поставили? С подлежащими у вас что-то не в порядке! Вот как нужно! — и поправил.

После этого случая я очень внимательно перечитал грамматику русского языка.

Правильному, грамотному изложению мысли он придаёт очень большое значение:

— Если человек не может грамотно, правильно изложить свои мысли,—значит, он и мыслит также бессистемно, хаотично. Как же он в порученном деле наведёт порядок?

Сам Сталин и окружающие его работают с необычайной чёткостью.

В государственной работе Сталину приходится встречаться со многими людьми. Он любит новых людей, любит изучать их, знать, что каждый собой представляет, что кому можно поручить, на что человек способен.

Часто в деловом разговоре у него проскальзывают шутки, остроты.

Как-то, характеризуя какого-то работника, Сталин сравнил его с одним из чеховских персонажей в рассказе «Свадьба».

— Помните это место? — спросил он меня.

— Нет, не помню, товарищ Сталин.

— Неужели вы Чехова не читали?!

— Читал всего Чехова несколько раз, а этого рассказа не помню.

— Есть вещи, которые запоминаются.

И мне стало стыдно, а ведь я считал себя начитанным и культурным человеком.

Технический ли идёт разговор или на политическую тему, Сталин любит приводить подходящие к случаю примеры из истории, мифологии, из классической литературы.

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза
И. В. СТАЛИН

Художник — П. Васильев.

Он замечательно, с большим юмором цитирует «Историю города Глупова» и безжалостно высмеивает тех, у кого ещё кое-что сохранилось от щедринских героев.

Намечалось испытание одной новой машины. Провести его нужно было очень срочно. И вот нашлись современные пошехонцы, предложившие отвезти машину для испытания далеко от завода на том основании, что лётчики, которые должны были испытывать её, находятся там.

Сталин сказал:

— Зачем же машину везти? Проще лётчикам сюда приехать. Кто же так работает? Почему не подумаете? С глуповцев пример берёте. Знаете, как они телёнка на баню тащили, а Волгу толокном замесили?

* * *

Не только в рабочем кабинете, но и в квартире Сталина поражает обилие книг. Даже в столовой по стенам стоят шкафы, битком набитые книгами.

Сталин часто обращается за справками к книгам. Увлёкшись каким-нибудь вопросом, он идёт к книжному шкафу, достаёт нужную книгу. Если разговор касается географии, тогда он берёт свою старую, уже потёртую карту и говорит:

— Посмотрим по моей карте. Правда, она истрепалась вся, но ещё служит.

Речь Сталина всегда насыщена литературными примерами. У него редкая память: целые большие отрывки из отдельных произведений он приводит почти дословно. Особенно любит он Горького, Чехова, Салтыкова-Щедрина.

Как-то зашёл разговор о приключенческой литературе, о произведениях Майн-Рида и Фенимора Купера. Сталин сказал, что в детстве он зачитывался их романами.

А я тоже в детстве увлекался этими книгами. Я и говорю ему:

— Да, это очень интересные и полезные книги. Жаль, что сейчас не только новых книг таких не пишут, но даже не переиздают старых.

Сталин лукаво и насмешливо усмехнулся:

— Ну, как же Майн-Рида и Купера будут наши издательства выпускать, если там ничего о колхозах и тракторах не написано?

Сталин исключительно деликатен в обращении с людьми, вежлив и внимателен к собеседникам. Вызывая к себе, он всегда спрашивает:

— Вы не очень заняты?

Или:

— Могли бы вы сейчас, без ущерба для дела, ко мне приехать?

— Ну, конечно, товарищ Сталин!

— Тогда приезжайте быстрее.

Первое время, когда я не был ещё заместителем наркома авиационной промышленности, каждый раз, когда я уходил, Сталин спрашивал:

— Машина есть?

Это чтобы довезти, если нет машины.

Сталин часто ставит в пример жизнь и работу Владимира Ильича Ленина. Он любит вспоминать различные встречи с ним. Однажды он рассказал такой случай.

В 1918 году советское правительство решило переехать из Петрограда в Москву. Время было тревожное, в Москве только что был подавлен мятеж эсеров и меньшевиков.

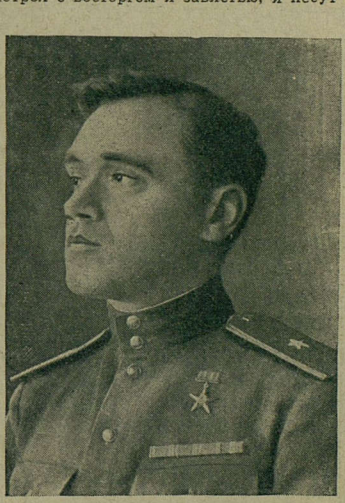
— Когда мы приехали в Москву,— рассказывал Сталин,— мы, спутники Владимира Ильича, очень боялись за его безопасность. Поэтому, когда мы увидели, что ехать нужно в открытой машине, мы посадили Ленина, а сами вокруг него встали, чтобы не было видно Ильича и чтобы прикрыть его в случае покушения. Владимир Ильич никак не хотел с этим примириться и требовал, чтобы мы тоже сели рядом с ним. Но мы отказались и всю дорогу ехали стоя.

Замечательную школу проходит каждый, кто встречается по работе с товарищем Сталиным. Каждый разговор с ним оставляет глубокий след, после каждой встречи ощущаешь свой политический и деловой рост.

ВЕЛИКИЙ ЭКЗАМЕН

Прошло не так много времени, и вслед за первой боевой машиной я сконструировал новый быстроходный истребитель. Он был принят на вооружение Красной Армии, и авиационные заводы стали выпускать тысячи таких машин.

Эти истребители летают в полтора раза быстрее тех самолётов, на которые я недавно смотрел с восторгом и завистью, и несут бо-



Герой Социалистического Труда Александр Сергеевич Яковлев.

лее мощное вооружение. Им было присвоено название «ЯК» — первые две буквы моей фамилии.

Я был горд и счастлив. Моя страстная мечта сбылась.

С малых лет, сколько я себя помню, у меня всегда, во всякий период жизни, была какая-нибудь мечта, цель впереди, добиться которой я стремился всеми силами. В детстве я постоянно мечтал о каких-нибудь интересных, виденных мной в витринах магазинов новых игрушках и хороших книгах. Когда мне было четырнадцать лет, я очень хотел иметь кожаную тужурку, как у лётчиков. Довольно скоро я добился этого и мальчишкой щеголял в такой тужурке. Потом, помню, мне захотелось приобрести велосипед. Это желание я выполнил не скоро: когда сам начал зарабатывать деньги.

Когда я построил планер, мною овладела страстная мечта — сконструировать самолёт. Потом захотелось сделать другой, получше, потом третий... Строишь машину и думаешь: только бы она полетела, больше мне в жизни ничего не нужно. Но когда машина закончена и начинает летать, рождается новое желание — сделать другой самолёт, чтобы он летал ещё быстрее и лучше. И так всегда я мечтал о чём-нибудь новом и стремился осуществить эту мечту. Жизнь от этого становилась полнокровной и интересной.

Долгое время мною владела страстная мечта — построить самый быстроходный самолёт. Теперь и эта мечта сбылась, мои самолёты не только быстроходны, но и бьют лучшие машины врага. Это ли не предел мечтаний конструктора!

Когда на нашу родную русскую землю напал жестокий и коварный враг, я понял, что для меня наступило время самого серьёзного экзамена в жизни: выдержат ли самолёты-истребители моей конструкции испытание в жестоком бою с сильными врагами?

С огромным волнением ждал я ответа на этот вопрос с фронтов Отечественной войны, где на многих тысячах истребителей сражались с фашистами наши лётчики.

Ответ скоро последовал.

Из скромных и скупых ежедневных сообщений Советского Информбюро о сбитых вражеских самолётах я знал, что многие из них уничтожены нашими славными лётчиками на истребителях «ЯК».

Вместе со всей страной я горжусь великими подвигами наших лётчиков. Но я и весь громадный коллектив заводов, работающих по выпуску истребителей, горды ещё и тем, что наши самолёты оказались достойными героизма советских людей, не подвели лётчиков в бою.

Радостно сознавать, что есть и моя доля в защите любимой родины.

МАТЬ

З. Александрова

Ворвался боец в городок
С горячим ещё автоматом,
Но вьётся печальный дымок
Над местом, где жил он когда-то,

Где рос он, где жарко зимой
Пылала весёлая печка.
Любил прибегать он домой
И маму встречать у крылечка.

— Жива ли ты, мама? — Жива,
Жива, ненаглядный сыночек...—
Он слышит родные слова,
Он видит знакомый платочек.

Он маму свою узнаёт,
Хоть мама старушкою стала.
Встречает она у ворот,
Как мальчика в детстве встречала.

Александр Молодчий

Лев Славин *Рис. В. Цельмера*

«Саша-лётчик»

Он в детстве любил читать Жюль Верна.

Но кто в детстве не любил Жюль Верна?!

Он в детстве любил разламывать игрушки, для того чтобы узнать, как они внутри устроены.

Но многие в детстве любили разламывать игрушки, для того чтобы узнать, как они устроены.

Он с детства увлекался авиацией.

Но... вспомним это время, средину прошлого десятилетия: льдина Папанина; умопомрачительные прыжки Громова, Чкалова, Коккинаки с европейского континента на американский, слава Серова, Молокова, Гризодубовой,— блеск советской авиации.

Кто-то хорошо сказал, что самый передовой народ — мальчики. Мальчики всегда на уровне передовых идей своего века. Они бредили в ту пору авиацией. Они прыгали со вторых этажей на парашютах, сделанных из маминых простыней. Они бежали в лётные школы, оставив на подоконнике письмо, полное возвышенных чувств и орфографических ошибок. Уединившись в дворовых сараях, преследуемые управдомами, они с фанатизмом одержимых мастерили планеры, у которых был только один недостаток: они не летали.

Черноволосый украинский мальчик Саша Молодчий был, как все. Он вечно возился с авиамоделями. Он мчался по родным ворошиловградским улицам на аэросанях собственного изделия не без тайной мысли поразить воображение некоей девушки. На планере он снижался — несколько неожиданно для самого себя — посреди городской площади и, свесившись через борт, кричал вниз: «Эй, шофер! Посторонись трошки. Шибче! А то я могу приземлиться тебе на голову!» И неизвестно, кто в эту минуту был более испуган — шофер или сам пятнадцатилетний лётчик.

Далеко не все мальчуганы, вырастая, становились лётчиками. С живостью подростков они переходили к другим увлечениям — арктическим путешествиям, собиранию марок, футболу, драматическим студиям.

«Саша-лётчик» (как называли Молодчего ворошиловградские ребята) остался верен детской мечте. Это рыцарь одной идеи. Ни разу в жизни он, по собственным его словам, «не менял свою пластинку». В натуре Молодчего есть упорство, преданность избранной цели, какой-то железный

Дважды Герой Советского Союза гвардии майор Молодчий.

ход сквозь жизнь, несмотря на всю очаровательную мягкость его манер. Это так похоже на Украину: сочетание поэтической нежности с воинственной непреклонностью. Молодчий стал, как и хотел, лётчиком, подобно многим юношам нашего века, и притом одним из лучших водителей самолётов дальнего действия.

Для примера — один из случаев.

Мост разбомблён!

Надо было разбомбить мост у одного вражеского города. Это имело большое значение для разрыва неприятельских коммуникаций.

Молодчий и другие экипажи вылетели в погоду, которую принято называть нелётной: дождь, облачность, изморозь, туман.

Из нескольких повторных налётов ничего не получилось. Никто в мост не попал. Это бывает с мостами. Никто из лётчиков ни в чём упрекнуть себя не мог. Вообще попасть в мост — в эту струну, натянутую над рекой,— считается одной из труднейших задач в авиации. В данном случае были добавочные трудности: мост небольшой и охранялся он вдвойне — собственной ПВО и ПВО города.

«Эй, шофер! Посторонись трошки. Шибче! А то я могу приземлиться тебе на голову!»

Словом, совесть чиста. Однако Молодчий заскучал. Совесть-то чиста, но мост-то цел.

Ночью Молодчий явился к командиру. Погода стала ещё хуже, ещё «нелётней». Казалось, осень выпустила в ночь все свои воды и ветры.

— Разрешите, я полечу.

— Куда?

— Бомбить мост.

Убедил. Вылетел. Три часа ночи, самый тёмный её час. Расчёт такой, чтобы с первыми лучами рассвета оказаться над мостом. Летели на высоте трёх тысяч метров. Конечно, слепым полётом. Полёт и точный выход к цели в этой ночной кутерьме — сами по себе образцовое произведение лётного искусства.

Приближаясь к цели, Молодчий перешёл на бреющий полёт метрах в пятидесяти над землёй. Пролетели над головами трёх немецких эшелонов, шедших к мосту. Никто из солдат не поднял головы: настолько невероятной была мысль, что в этот час и в эту непогодь здесь мог оказаться русский лётчик.

А Молодчий снизился ещё больше. Он хотел бить наверняка. Он хотел как бы расколотить мост кулаком. Теперь самолёт был ниже, чем дым из паровозных труб, чем телеграфные столбы. Так низко, что подле моста штурман Куликов крикнул: «Чуть выше!» — боясь, чтоб самолёт не налетел на перила моста.

Сбросили бомбы. Хорошо! И тут, на выходе от моста, внезапно выросла высоченная водонапорная башня, незамеченная раньше. Перед самым носом самолёта.

Тут уж штурман ничего не крикнул. Просто не успел. Накатилась та знаменитая предсмертная секунда, в которую молнией проносится вся жизнь: детство, ворошиловградские улицы, кукла сестры, сломанная, чтобы узнать, «что там внутри», нежные украинские песни в сумерках под цветущей вишней, старушка-мать с её смешной, трогательной просьбой: «Сашко, сыночек, старайся летать пониже, а то убьёшься». «Не пониже надо было просить, мамо, а повыше!»

А в следующую секунду самолёт Молодчего метеором пронёсся над башней...

Как это случилось? Молодчий **успел.** Он успел сделать тот единственный маневр (штурвал на себя), который нужно было сделать, и в ту единственную крупицу времени, которая для этого оставалась.

— Я это сделал,— говорит Молодчий, немного сам себе удивляясь,— я это сделал прежде, чем сообразил, что это надо сделать.

Это тот чистый и точный автоматизм, который является признаком совершенного владения профессией. Знание, ставшее рефлексом.

Немецкие зенитки открыли бешеный огонь. Никто в экипаже не обращал на него внимания. Не до того! Все молчали. И у себя, приземлившись, тоже молчали. Только Куликов много времени спустя и даже без обычной своей улыбки сказал:

— Саша, что же это с нами было?..

В этом эпизоде, отнюдь не самом ярком в боевой жизни Молодчего, самое любопытное — упорство, с каким он возвращался к тому, чтобы разбомбить мост. В этом весь Молодчий. Он просто физически не может оставить задание недовыполненным, дело недоделанным, цель недострелянной, немца недобитым.

Такой весёлый в быту, да и на работе, часто по-детски весёлый, такой певун, такой балагур, он на выполнении задания превращается в слиток воли. И тогда для него нет никаких препятствий. Это — то свойство, за которое командир Молодчего охарактеризовал его так:

— Он герой и постоянный кандидат в новые герои.

Молодчий становится «ночником»

В свой первый ночной полёт Молодчий вылетел уже опытным лётчиком.

Ночной полёт — это совсем особенное дело. То есть ровно ничего не видно. Куда летим? Как летим? То и дело кажется, что самолёт кренится, что он идёт куда-то не туда. И тянет поверить своим физическим ощущениям, а не приборам.

Штурман кричит:

— Курс такой-то!..

— Погоди там,— ворчит Молодчий,— может, мы вообще идём вверх ногами.

Но, как всегда во всём новом, через несколько минут Молодчий освоился, развернулся «блинчиком», то есть малым креном, и пошёл по курсу.

Ориентиром цели должно было быть озеро. «Где оно?» — вопрошал экипаж, не замечая, что самолёт уже давно кружится над центром озера. Наконец, определили его по берегу. Сбросили светящуюся бомбу. Стало светло, как днём.

И стало видно, что внизу стоят шесть фашистских эшелонов с цистернами. С 400 метров сбросили бомбы. Взрывная волна. Цистерны рвутся. Приятно!

Молодчий пробил облачность и пошёл вёрхом. Облака красные. Значит, горят эшелоны. Очень приятно!

Первый ночной вылет прошёл отлично.

Так Молодчий стал «ночником».

Говорят, что лётчики с течением времени приобретают качества птицы — остроту глаза, чувство ориентировки. Если и так, то это относится к дневным лётчикам. «Ночники» не приобретают качеств совы. «Ночники» слепы. Полёт их так и называется: «слепой полёт». Они видят только приборы, мерцающие перед ними на щитке. Начинающие «ночники» должны прежде всего преодолеть свою веру в обманчивые показания чувств. Чувства врут. Не врут приборы.

В полёте есть ни с чем не сравнимая прелесть — близость голубого неба, необъятная ширь горизонта, красота расстилающейся внизу земли — леса, реки, города.

Это всё не для «ночников». «Ночники» летят во тьме. На глаза плотно нахлобучена чёрная шапка ночи. «Ночники» видят небо только в лучах прожекторов, которые гонятся за ними, как смерть. Они видят землю только в зареве пожаров, которые они сами зажигают. Мрак и огонь — вот всё, что они видят.

Работа «ночников» самая трудная, и в этом их гордость.

Молодчий был уже опытным лётчиком, когда ему пришла в голову мысль, как увеличить эффективность ночных вылетов. Он предложил за несколько минут до общей бомбёжки выпускать на цель самолёт, который бросал бы светящиеся бомбы. Он вызвался повести такой самолёт.

Полетели. Целью был крупный железнодорожный узел. Прилетели. Молодчий зашёл на цель с приглушённым мотором. Товарищи на других самолётах в это время держались в кругу поблизости, выжидая своей минуты.

С самолёта Молодчего полетели САБ'ы, то есть светящиеся авиабомбы. Очень точно, как раз над целью. Залаяли вражеские зенитки. Молодчий отважно ринулся в сферу заградительного огня и положил несколько фугасок. Цель видна была с ослепительной ясностью.

И вдруг — яркий свет в кабине. Молодчий попал в лучи прожекторов. Осколки снарядов

В следующую секунду самолёт Молодчего метеором пронёсся над башней...

били по самолёту. Смотреть только на приборы! Подымешь глаза на секунду и тотчас ослепнешь от прожекторов и грохнешься вниз. Смотреть только на приборы! Искусным маневром Молодчий вырвался из лучей прожекторов. Полегчало!

И слышен грохот прекрасней всякой музыки: это налетели наши самолёты и в свете САБ'ов бомбят узел.

А уходить Молодчему как-то не хочется. У него остались ещё бомбы. САБ'ы ещё светят, зачем же свету зря пропадать! К тому же все ребята здесь, держатся в кругу над целью, бомбят. Молодчий — человек компанейский — зашёл ещё раз на цель и отбомбился при свете, который он сам же зажёг.

Опять его поймали прожектора, целых тринадцать прожекторов, и зенитки, все виды зениток. Снова Молодчий сманеврировал и вырвался.

Результат этого первого налёта с применением САБ'ов был исключительный. Железнодорожный узел горел сутки. Было разбито девять танков, до пятисот вагонов с боеприпасами, выведено из строя семь паровозов, сожжено два склада. А убито и ранено не меньше четырёхсот немцев.

Самолёт Молодчего привёз на себе шестьдесят три пробоины. Но экипаж был весь цел. Молодчий вылез из кабины мокрый, шатаясь от усталости. Но очень довольный. И ему приятно было слышать, как лётчики, народ скупой на похвалы, говорили: «Вот это — да!»

И он пошёл спать или, как говорят летчики, «добирать». И «добрал» этак минуток шестьсот, как выражаются те же лётчики, которые во всех случаях жизни любят вести счёт на минуты.

После этого вылета применение САБ'ов вошло в боевую практику всего полка, и вскоре полк получил звание гвардейского. А Молодчий лично — звание Героя Советского Союза.

В зарубежных небесах

Первый «заграничный» вылет Молодчего был в Кёнигсберг. В таких далёких полётах Молодчий ещё не бывал. На машину поставили дополнительные баки с бензином.

Полёт был нелёгкий. Трудности начались при взлёте. Тяжело было оторваться на перегруженной машине и сразу взять во тьме нужное направление.

Полетели. Неприятности с погодой. Сплошная стена облачности высотой в 8 тысяч метров. Чтобы машина не обледенела, Молодчий не спускался ниже 5 тысяч метров. На большой высоте только снегопад. Снег пробивался сквозь щели и порошил Молодчему лицо.

Едва ли не впервые в жизни у Молодчего мелькнула мысль: не вернуться ли? Уж очень дьявольская погода. Тотчас природное упорство возобладало, и он отогнал эту мысль. Очень хотелось отбомбиться по немцам в их логове.

А облачность всё не кончалась. Так, не выходя из неё, и подошли к району Кёнигсберга. Тут Молодчего ожидала самая большая досада. Облачность стояла и над Кёнигсбергом. Город был закрыт. Нет у лётчика большего огорчения, чем закрытая цель.

Под Молодчим в облаках бушевала гроза. Досадно сознавать, что там, внизу, немцы, наверное, чувствуют себя в безопасности под прикрытием грозы и облачности и, возможно, посмеиваются над русским лётчиком, проделавшим зря такой длинный путь. Нет, так нельзя, надо что-то придумать.

Упорный и изобретательный ум Молодчего подсказал ему простую и смелую мысль.

Он стал водить самолёт в районе Кёнигсберга. Он хотел вызвать на себя огонь зениток. Они помогут ему определить точку цели.

И вскоре экипаж увидел в облаках вспышки огня и чёрные пятна. Дерзкий расчёт оправдался: немецкие зенитки стреляли. Тотчас Молодчий ринулся в самый густой огонь и здесь сбросил бомбы. И ещё и ещё.

После этого Молодчий летал на Кёнигсберг и бомбил его ещё несколько раз. Бомбил он и Данциг. Это ещё дальше. Огонь был сильный. По самолёту стреляли зенитки с суши и с моря. Первый раз Молодчий был в таком огне. Но страшно не было. Столько дела в бою, что для страха просто не остаётся времени. Самолёт не получил даже царапины.

— Мы увидели в Данциге много пожаров, успокоились, что наши бомбы легли по цели, и пошли домой.

Вскоре Молодчий полетел на Будапешт. Это много дальше. Погода была не очень хорошая. Бушевали грозы. Но Дунай был хорошо виден, и на нём качались буйки с огоньками. В городе пылали пожары. Наши уже побывали здесь. Венгры, видно, не ожидали посещения советских лётчиков. Ни одного прожектора, а зенитки доставали только до трёх тысяч метров.

— Ну, мы подошли тихо, благородно, как на полигоне, отбомбились и улетели домой.

Бухарест, посещённый вслед за тем Молодчим, ещё менее того ожидал визита советских лётчиков. Город был ярко освещён.

Экипаж Молодчего принялся сбрасывать бомбы. Свет в городе сразу был выключен. Но зенитки не стреляли.

— Эти румыны,— презрительно сказал Молодчий,— наверно, и стрелять не умеют.

Улетели при свете больших пожаров, занявшихся в Бухаресте.

— Что мне понравилось в этом полёте,— вспоминает Молодчий,— я в этом полёте своего штурмана ещё больше полюбил. Возвращались мы в густой облачности. Ночь ещё не кончилась. Абсолютная темень. А Куликов мой говорит: «Саша, ещё три минуты — и пробивай облачность». Точно через три минуты я пробил облачность. И что вы думаете? Под нами наш аэродром. Точка в точку. Вот штурман!

Над Берлином

К первому полёту на Берлин готовились с величайшей тщательностью. Провели тончайшие расчёты времени и расхода горючего. Молодчего очень манила мысль обрушить бомбы на фашистскую столицу. Отправляясь в такие вылеты, каждый лётчик с особенной силой чувствует себя представителем народного гнева и мести. Эти мысли и чувства, живя в душе лётчика, не выражаются во вне гладкими, книжными фразами. Перед вылетом лётчик больше говорит о бензине, о маршруте, старается получше отдохнуть. Но жажда мести гитлеровским бандитам живёт в душе лётчика непрестанно и вдохновляет его на чудесные подвиги.

Молодчему предстояло лететь на новом, ещё не облётанном самолёте, почему его приготовления были особенно тщательными. Точно был высчитан расход масла и бензина, так, чтобы хватило в оба длинных конца.

Ночь выдалась ясная.

Пролетели над горящим Штеттином, там уж, видно, побывали наши. Подошли к Берлину. Он ясно виден, этот огромный серый ненавистный город. Он тих и тёмен. Никто до Молодчего не побывал здесь.

Вдруг вспыхнули прожектора. Их множество в Берлине. А над Берлином Молодчий. И все прожектора — на него. Они передавали Молодчего друг другу. Да, из этой ослепительной паутины нелегко выпутаться!

А тут грянули зенитки из всех поясов берлинского ПВО. И все на Молодчего.

Четырнадцать памятных минут он был в лучах и в обстреле. Но в конце концов ловким маневром — левый поворот и скольжение! — вырвался из лучей.

Тотчас потухли прожектора, прекратилась стрельба. Фашисты хотели бить по советскому лётчику наверняка. Но и советский лётчик хотел бить по фашистам наверняка. Потому Молодчий и не сбросил ещё бомб. Он не нашёл ещё своих объектов. Он кружил над Берлином, ища их.

Вот они! И на головы берлинцев полетели бомбы Молодчего.

Тотчас загавкали зенитки, и пошли шарить по небу сотни прожекторов.

Молодчий посмотрел на зажжённые им в Берлине сильные пожары и повёл самолёт домой.

* * *

Каждую ночь, и не однажды в ночь, вместе с другими лётчиками Александр Молодчий вылетает и громит немецкие войска, тылы, города, базы, эшелоны.

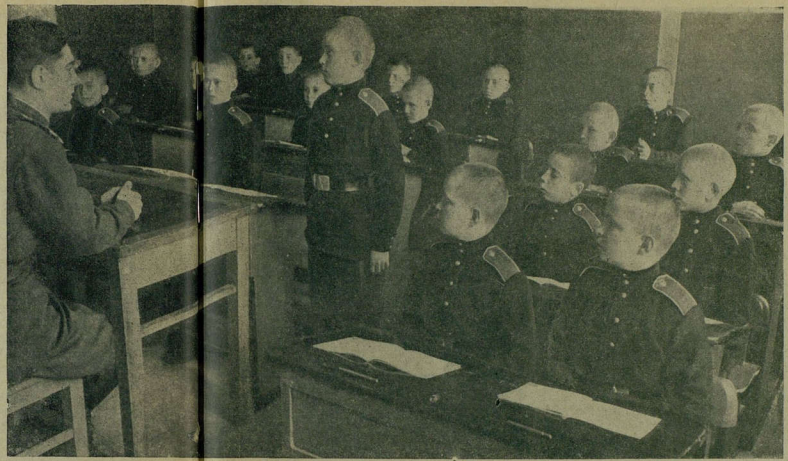
А в те редкие ночи, когда погода объявляется нелётной даже для Молодчего, он скучает, словно не земля — его стихия, а небо, мрачное небо «ночника», исполосованное прожекторами и разрывами снарядов.

СУВОРОВЦЫ

М. Кинцис

Фотографии М. Калашникова, А. Мусинова и Е. Тиханова.

Всё готово к пробегу. Плотно пригнаны крепления. Хорошо смазаны лыжи. Ещё минута — и они заскользят по ослепительному снегу. А ну, кто догонит?



В первом классе первой роты сейчас один из самых любимых уроков — история. Воспитанник Павлов не ошибётся, он хорошо подготовился.

После второго завтрака отделение, как всегда, в строю возвращалось в свой класс. Отлично звучал по гулким коридорам чеканный дружный шаг двадцати пяти пар ног. У одного из поворотов неожиданно раздалась команда:

— Отделение, стой!

И офицер-воспитатель объявил:

— Воспитанники Малиновский и Павлов — к дежурному по училищу.

— Есть к дежурному по училищу! — уже привычной чёткостью повторили мальчики и совсем не по-уставному переглянулись. В чём дело? Почему их вызывают? Кажется, ничего такого...

Вот и кабинет дежурного.

— Воспитанники Малиновский и Павлов явились по вашему приказанию!

Голоса рапортующих звучали как положено: громко, чётко, но в глазах светились нетерпение и тревога.

— Вольно! — сказал дежурный и, помолчавшись, произнёс куда-то в сторону: — Встречай и ваши сынки!

И только тут мальчики увидели сидящего в углу комнаты человека в военной одежде.

— Сынки мои, — услышали они знакомый голос, — да вас теперь вовсе и не узнать!

— Товарищ комиссар! — одновременно воскликнули мальчики и бросились к военному.

Они обнимали его, жали руки, льнули к нему, как к родному и любимому отцу. А он поворачивал ребят во все стороны и всё повторял:

— Вот вы какие стали! Честное слово, нипочём не узнать.

Комиссар партизанского отряда тов. Полуэктов был и впрямь самым близким человеком для обоих этих ребят. Они встретились давно, в грозные для нашей родины осенние дни сорок первого года. В ту пору немецкие орды, ворвавшись на землю Смоленщины, жгли и уничтожали всё на своём пути. Вместе с другими жителями села гитлеровцы расстреляли и родных Васи Малиновского: мать, девятилетнюю сестрёнку Тасю и шестилетнего братишку Ваню.

Васе удалось убежать. Мальчик решил мстить убийцам. Вместе со своим товарищем Колей Колкутским они подожгли немецкий склад со снарядами. Колю поймали и расстреляли тут же, на месте. Вася ушёл от преследователей. Долго блуждал он в густых лесах Смоленщины, пока не встретился с партизанами. Тепло и по-отечески приняли они его, обласкали, обогрели, накормили и, уступая настойчивым просьбам, приняли в отряд. Здесь Вася подружился со вторым приёмным сыном партизан — Серёжей Панасовым. Мать и двух сестрёнок Серёжи тоже убили немцы. Общее горе крепко сдружило мальчиков. Вместе ходили они в разведку, добывая отряду нужные сведения о немцах. Всегда выручали друг друга из беды.

Во время одной из разведок их поймали немцы. Они то предлагали мальчикам конфеты и соблазняли деньгами, то угрожали, требуя, чтобы они рассказали, где находятся партизаны. Юные разведчики отказались отвечать. Их жестоко избили и заперли в холодную баню. Очнувшись поздно ночью, мальчики поняли, что им грозит неминуемая гибель. Надо бежать, но как? Единственное окошечко бани было очень маленьким. «Пролезем, — сказал Вася, — надо пролезть!» Он разделся догола, чтобы стать тоньше, и полез. Серёжа помогал ему. Когда Васе с большим трудом удалось, наконец, выбраться, Серёжа покачал головой:

— Беги один, мне не вылезти, я толще.

— Один не уйду, — ответил товарищ. — Вылезешь, Серёжа, обязательно вылезешь. Я тебе помогу.

Напрягая все свои силы, он буквально вытащил своего друга, и оба вернулись в отряд.

За мужество и храбрость оба разведчика получили правительственную награду. Вася Малиновский — орден Отечественной войны 2-й степени, а Серёжа Панасов — медаль «За отвагу».

Комиссар отряда Полуэктов полюбил смышлёных, ловких и отважных мальчиков, как родных сыновей, и всё чаще задумывался о их дальнейшей судьбе. И когда он узнал об организации Суворовских училищ, то решил, что лучшего и желать не надо.

Так оба юных партизана попали в первый класс Суворовского училища в городе Калинине.

Прошло три месяца. И вот сейчас Полуэктов приехал навестить своих сынков, узнать, как они живут и учатся. Он смотрел на двух этих коротко остриженных, стройных, молодцевато подтянутых мальчиков, одетых в строгие чёрные мундиры с красными лампасами и алыми погонами на плечах, на их посвежевшие, разрумянившиеся лица и всё не мог налюбоваться:

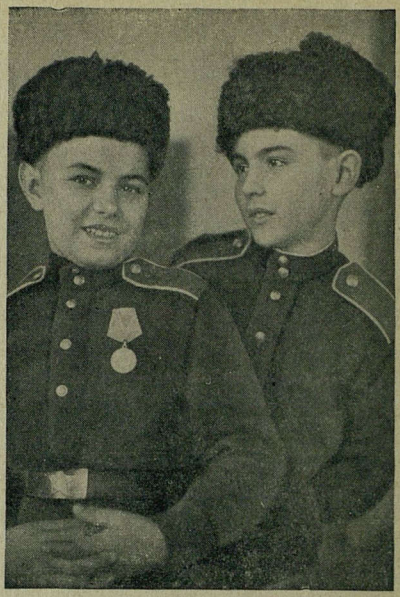
— Ой да сынки! Молодцами, честное слово, молодцами!

Таких ребят — недавних партизан, юных бойцов — немало среди воспитанников Калининского суворовского училища. Тут и молодой гвардеец-разведчик Женя Толстиков, и Коля Мищенко, двенадцатилетний герой Отечественной войны. Немцы убили всю его семью. Подобранный одной нашей воинской частью, Коля не раз оказывал командованию ценные услуги и однажды по тропинке, известной только ему, провёл через болота группу бойцов в глубокий тыл врага.

Есть в училище и ребята из детских домов, сыновья партизан и фронтовиков, погибших в боях с немецкими захватчиками. Из разных мест, разными дорогами пришли они в училище. Ребятам пришлось пережить много горя, но уже теперь, после трёх месяцев пребывания в его стенах, и следа не осталось от того отпечатка, который наложили на их лица дни сиротства, лишений и невзгод.

Глядя на эти шеренги подтянутых, одинаково и красиво одетых мальчиков, стройно шагающих по плацу, на их поздоровевшие спокойные лица, трудно поверить, что только три месяца прошло с того дня, когда они впервые переступили порог училища.

Что скрывать: на первых порах кое-кому из ребят тягостной казалась образцовая и строгая дисциплина. На уроки, в столовую, на прогулку надо ходить строем, одеваться безукоризненно, чисто и акуратно. К воспитателю подходить не иначе, как с рапортом:



Они встретились в училище и стали большими друзьями, отважный разведчик Коля Мищенко и Валя Чапаев, внук легендарного героя гражданской войны.

— Товарищ воспитатель, разрешите обратиться...

Но день ото дня ребята всё больше входили во вкус этой строгой, точно размеренной, но такой интересной и увлекательной жизни, и теперь все, даже самые младшие, восьмилетние воспитанники, рады случаю щегольнуть своей боевой выправкой, чеканным шагом, молодцеватым видом.

Да и как может быть иначе, если жить и учиться здесь так интересно, если каждый день полон чудесных, увлекательных дел!

Начинается день ровно в шесть часов тридцать минут протяжным сигналом трубы. «Та-та-та»,— летят по коридорам, лестницам, спальням её певучие, зовущие звуки. Мгновение — и откинуты одеяла. Топот ног, нестройный гул голосов наполняют спальни. За три минуты надо одеться. Сначала это казалось невозможным, но сейчас ребята спешат справиться с этим раньше срока. Старшие помогают младшим. И вот уже отделение за отделением — без шинелей, в одних гимнастёрках — выходит на двор.

Десятиминутная зарядка на свежем, морозном воздухе, после которой чувствуешь себя таким

бодрым, сильным, весёлым. После зарядки беглым шагом в туалетные. Шумит и брызжет вода из крана, весело отфыркиваются голые по пояс ребята. Иные уже умылись, вычистили зубы и теперь старательно заканчивают свой туалет. Суворовец должен быть всегда примером аккуратности, чистоты, подтянутости.

После первого завтрака труба зовёт по классам. Строгая, сосредоточенная тишина царит в эти часы в училище. Ребята прилежно овладевают знаньями, чтобы стать глубоко и всесторонне образованными людьми.

В младшем приготовительном классе около доски висит белый лист бумаги. На нём нарисована пирамида. На её вершине красный флаг и рядом выведена фамилия: Меркушёв. Это значит, что Боря Меркушёв учится лучше всех в классе: у него одни пятёрки. Бима Кочерыжкин старается не отставать от Бори. Осколок немецкой мины ранил Биму в правую руку, и он думал, что никогда не сможет писать. Мальчик очень горевал и тайком плакал. Воспитатель группы старший лейтенант Романенко заботливо, ласково, по-отцовски следил за Бимой, подолгу беседовал с ним. Руку Биме вылечили, и сейчас, склонив голову, он твёрдо держит в руках карандаш и старательно выводит буквы. Это ничего, что он самый маленький в классе, он догонит Меркушёва и обязательно будет на вершине пирамиды.

В первом классе, в первом отделении урок немецкого языка. Тут, как всегда, впереди Вася Малиновский. У него отличные отметки по всем предметам, но немецкий язык он изучает с каким-то особенным упорством и настойчивостью.

— Мне очень нужно знать этот язык, — говорит Вася, — очень нужно. Эх, если бы я раньше понимал по-немецки! Подумайте, однажды я три часа не шевелясь пролежал под окнами немецкого штаба, слышал всё, что там говорилось, и не понял ни одного слова. Кроме «хальт» и «хенде хох» я ничего не знал по-немецки. И зол я тогда был на себя! Но ничего, здесь я научусь.

После второго завтрака снова уроки. Много надо знать, чтобы стать хорошим офицером. География, математика, русский язык, биология, два иностранных языка, история, военная подготовка, рисование — всё надо одинаково хорошо усвоить.

Первый чертёж Толи Мельникова удался наславу.

Начальник училища генерал-майор Визжилин проверил заправку воспитанников перед выходом в город.

Вот идут они, подобранные, бравые, чётко печатая шаг, и жители города Калинина с восхищением и любовью глядят им вслед.

Но вот неизменная труба возвестила обед. После обеда у малышей мёртвый час. Им надо отдохнуть, впереди ещё столько интересных дел. Старшие воспитанники в это время катаются на лыжах, оспаривая друг у друга первенство.

Быстро наступают сумерки короткого зимнего дня. В четыре часа тридцать минут начинается любимая воспитанниками пора.

В большом зале урок танцев. Звучит рояль, и под его звуки ребята, одетые в трусики и майки, танцуют польку. Офицер должен быть стройным, изящным, ловким, и танцы очень помогают добиться этого. У всех воспитанников уже выпрямился корпус, движения стали плавней, красивей, но и помимо этого разве не весело в паре с товарищем стремительно пронестись по сверкающему, зеркальному паркету, быстро закружиться и лихо приступить каблуком! Танцы так увлекают ребят, что и после урока, возвращаясь в спальню, они продолжают кружиться и танцовать.

Малыши тем временем развлекаются. Много чудесных игр знает помощник офицера-воспитателя. Второклассникам не до того — это люди серьёзные, тем более что у них сегодня очень важное дело. Они изучают седло. Верховое кавалерийское седло. Это не такая простая вещь, как кажется. Состоит оно из разных частей, и все их надо знать хорошо. Седло приятно пахнет свежей кожей и поскрипывает в руках преподавателя. Оно говорит о том волнующем весеннем дне, когда воспитанники первый раз сядут на коней и тронутся по широкому кругу манежа. Кто же из ребят во имя этого чудесного часа не согласится хоть сто раз разобрать и собрать седло?!

Из-за дальней двери в углу коридора слышатся приглушенные звуки песни. Это хор училища разучивает новый государственный гимн.

Тише всего в эту пору в комнате, где собрались воспитанники четвёртого отделения старшего приготовительного класса. Широко открытые глаза, затаённое дыхание. Воспитатель старший лейтенант Ремнёв читает вслух Робинзона Крузо. Необычайные приключения отважного путешественника, его мужество и упорство в борьбе с природой захватывают ребят. А вчера они слушали книгу о Суворове. Долго потом беседовали между собой воспитанники, и кто же из

Миша Тупицын уже научился седлать. С нетерпением ждёт он часа, когда впервые сядет на коня.

них — будущих офицеров—втайне не давал себе слово во всём походить на великого русского полководца, имя которого носит училище.

День идёт к концу. Хорошо бы, конечно, ещё побегать, поиграть, но звонкий голос трубы напоминает, что сначала надо приготовить домашние уроки, а затем — пожалуйста!— развлекайтесь, отдыхайте, как хотите. Целый час, а иногда и больше, в классах снова сосредоточенная, деловая тишина. Склонившись к партам, воспитанники готовят уроки. Отстающим помогают преподаватели. А потом, когда все задания выполнены, можно доложить об этом воспитателю и с лёгким сердцем отдыхать и играть до самого ужина.

В двадцать два часа труба играет отбой. Кончился длинный трудовой день. Всё замирает в училище. Тихо в спальнях, слабо светят зашторенные лампочки, освещая ряды кроватей и тумбочки с акуратно уложенными обмундированием и бельём. Печи тепло натоплены. Крепко спят на своих кроватях десятки ребят. Вот кто-то откинул одеяло, повернулся на бок, что-то шепнул и снова затих. Может быть, ему снится солнечный день, полки, готовые к бою, и он впереди — офицер, ведущий своих солдат к победе и бессмертной славе... А может быть, мальчику просто кажется, что он обогнал приятеля в лыжном беге.

Тишина. Лишь в длинных, пустынных, по-ночному гулких коридорах изредка слышатся осторожные шаги дежурного воспитателя, охраняющего спокойный сон будущих офицеров.

★

Товарищу

А. Твардовский

Когда пройдёшь путём колонн
В жару, и в дождь, и в снег,
Тогда поймёшь,
Как сладок сон,
Как радостен ночлег.

Когда путём войны пройдёшь,
Ещё поймёшь порой,
Как хлеб хорош
И как хорош
Глоток воды сырой.

Когда пройдёшь таким путём
Не день, не два, солдат,
Ещё поймёшь,
Как дорог дом,
Как отчий угол свят.

Когда науку всех наук —
В бою постигнешь бой,
Ещё поймёшь,
Как дорог друг,
Как дорог каждый свой.

И про отвагу, долг и честь
Не будешь зря твердить.
Они в тебе,
Какой ты есть,
Каким лишь можешь быть.

Таким, с которым, коль дружить
И дружбы не терять,
Как говорится,
Можно жить
И можно умирать.

В землянке.
Фронтовая зарисовка Л. Голованова

Съезд князей.

С картины С. Иванова

В начале XI века раздоры и междоусобные войны князей дробили и ослабляли Киевское государство. Князья отнимали один у другого земли, ведя кровавые войны. Мечами и стрелами решали они споры о наследстве, брат шёл на брата, оспаривая друг у друга власть.

Видя это, кочевники-половцы, занимавшие тогда Задонские и Приазовские степи, совершали частые набеги на Киевское государство, разоряли и грабили русские города и сёла и уводили русских людей в плен.

В 1097 году князья решили сойтись на съезд, чтобы положить конец братоубийственной распре. Душой этого дела был Владимир Всеволодович Мономах.

Князья сошлись в городе Любече и горячо, с раскаянием говорили:

— Зачем мы сами губим Русскую землю!! Ведь половцы разоряют её, радуясь вражде между нами! Отныне будем едины сердцем и станем на защиту своей земли!

Князья установили мир и разъехались, но не сдержали слова: вскоре вновь стали они враждовать между собой, а половцы тотчас же возобновили свои набеги. Тогда Владимир Мономах поднял на них князей.

На этот раз съехались они со своими дружинами в Долобске. Была ранняя весна 1103 года. В полевом шатре, сидя на конских сёдлах, стали думать князья о предстоящем походе на врага.

Дружинники князя Святополка сказали, что нельзя идти весной на половцев, потому что смердам (земледельцам) надо пахать землю, а для похода придётся взять у них лошадей и земля останется невспаханной.

На это Владимир Мономах сказал:

— Лошадей, на которых пашут, вы жалеете, а о том не подумали, что придёт половчин, убьёт смерда стрелой и возьмёт и лошадь его, и жену, и детей!

Тогда князь Святополк воскликнул:

— Я готов уже! — и встал со своего места.

Владимир же сказал ему:

— Великое добро сделаешь ты этим Русской земле!

И князья выступили в поход.

На урочище Сутень они встретились с половецкими полчищами, общими силами разбили их, взяли множество пленных и положили на месте двадцать половецких князей.

Г. ШТОРМ

Рассказ Ю. Сотника *Рис. А. Каневского*

Ночь. В деревню, занятую немцами, проникает партизанка Глаша. Она поджигает неприятельский продовольственный склад. Скрыться ей не удаётся: её хватают фашистские часовые. Глашу пытают, заставляя открыть местонахождение партизанского отряда. Она мужественно переносит все мучения, но товарищей не выдаёт. В последний момент на краю деревни раздаются выстрелы. Это пришли на выручку партизаны. Фашисты бегут. Один из друзей приводит в чувство потерявшую сознание Глашу...

Целый месяц трудился Сева Басманный над этой пьесой, вдохновлённый очерком, который он прочёл в газете о Герое Советского Союза партизанке Глафире Емельяновой. Ещё месяц драмкружок разучивал роли, мастерил декорации и костюмы, готовя постановку для подшефного госпиталя. И вот теперь в одной из комнат Дома пионеров шла генеральная репетиция.

Люба, игравшая Глашу, была привязана к двухметровой берёзовой плахе, служившей столбом пыток. На полу тлел «костёр» из красной бумаги и электрической лампочки. Здоровенный Яша Коцуба и маленький суетливый Валя Петровский изображали фашистов.

— Цум тейфель! — рычал Яша. — Говорить, где отряд, или мы тебя зажигать живьём.

На фигурах артистов плясали красные блики пожара.

Момент был очень напряжённый. Артисты старались вовсю. Автор, сидевший в стороне с тетрадью в руках, суфлировал дрожащим голосом. Лицо его раскраснелось, на лбу под аккуратной светлой чолкой выступили капельки пота. Маленький толстый Саша Аронштак бегал в больших валенках по комнате. Подражая одному знакомому режиссёру, он проводил рукой по стриженым под машинку волосам, будто лохматя воображаемую шевелюру:

— Стоп! Люба, Яшка тебе прижёг руку, а ты улыбаешься. Ну, чего ты улыбаешься?

Артисты останавливались. Останавливались и красные блики пожара. Люба щурила глаза и отвечала очень медленно, растягивая каждое слово:

— Всё-таки ты какой-то очень странный, Саша. Я же презрительно улыбаюсь.

— Ага! Презрительно! Ладно, давайте снова. Таська, тряси!

Из-за шкафа, служившего кулисой, доносился слабый голосок:

— Саша... я устала.

— Ничего, ничего. Тряси!

Красные блики пожара снова начинали плясать на актёрах.

Приближалась развязка. Режиссёр подскочил к ведру и заколотил по нему палкой, изображая пальбу.

— Майн готт! — завопил Яша. — Это партизаны!

Оба «фашиста» в панике забегали вокруг берёзового столба. Торопливо натягивая полушубок, готовясь превратиться в партизана, Саша закричал:

— Валька, убегай! Яша, убегай! Люба, теряй сознание, слышишь? Теряй сознание! Ура-а!..

Он бросился было к Любе, но вдруг остановился:

— А где же пожар?.. Таська, ты здесь? Тряси!

Бликов пожара больше не было. Из-за шкафа вышла маленькая Тася. Молча она поставила на пол деревянный ящик с горевшей внутри стоваттной лампой и с вделанным в стенку неровным красным стеклом, молча прошла к окну и стала перед ним, положив подбородок на подоконник.

— Тася!.. Ты что?..

— Я не буду больше трясти, — чуть слышно ответила Тася.

Плечи её и две косички над ними вздрагивали.

— Вот новости! Хочешь всё дело испортить? Да?

— Я не буду больше трясти. Я уже полчаса трясла,— ещё тише ответила Тася; она всхлипнула, повернулась и быстро вышла из комнаты.

Саша прошёлся, заложив руки за спину.

— Ладно. Кончим на этом,— сказал он.— Ну и ребята! Ничего для общего дела!

Валя Петровский поднял ящик и поставил его на место.

— Ой, ребята, какой тяжёлый!.. Это знаете, почему он такой тяжёлый? Это потому, что он в три раза больше, чем нужно для такого прибора. Да, ребята?

— Тяжёлый, нетяжёлый, а трясти его кому-нибудь придётся,— сказал Коцуба.

Все участники спектакля молча уставились на ящик.

— Знаете, товарищи,— выступил вперёд Сева.— Можно его поочереди трясти. Я, конечно, не смогу этим заниматься, потому что я буду в суфлёрской будке, но вот, например, Саша...

— Тоже придумал! А кто будет вести спектакль?

— Ну ладно,— сказал Коцуба,— покуда мы с Валей будем за кулисами, мы потрясём. Покуда Люба,— она потрясёт.

Люба уже сняла с себя ватную стёганку и стояла теперь перед зеркалом в синей юбочке и кофточке-матросске, расчёсывая волосы. Услышав предложение Коцубы, она повернула голову и заговорила, плавно водя по воздуху гребешком:

— Я всё-таки не понимаю! Почему-то Коцуба воображает, что если человеку поручили главную роль, то он должен ещё тратить силы на трясение какого-то ящика. Яша думает, что это так просто — создать... это... Как его, Саша?

— Художественный образ.

— Ну да. Он думает, это так просто — создать художественный образ!

— Ой, ребята!— сказал Валя, взглянув на ходики.— Мы тут с вами разговариваем, а уже пять часов!

Спектакль начинался в семь. Ребята бросились складывать костюмы в специально приготовленные мешки.

Трудно сказать, что больше радовало обитателей госпиталя: сами ли спектакли «Театральной студии районного Дома пионеров», как именовал Саша свой коллектив, или та весёлая суматоха, которая обычно подымалась перед приездом «артистов».

По коридорам, устланным пёстрыми дорожками, двигались санитарки и выздоравливающие раненые, тащили скамьи и стулья в зал с эстрадой. А там капитаны, лейтенанты, красноармейцы, которым здоровье позволяло быть «рабочими сцены», передвигали рояль, возились под потолком, налаживая рампу, приводили в порядок кулисы.

Всеми этими работами руководил начальник отделения, военврач 2-го ранга Иванов. Большой, грузный, он то бегал вразвалку к телефону, по которому ему названивал Саша, то обращался к своим помощникам:

— Товарищи! Раздобудьте где-нибудь бревно, этак метра в два, и укрепите его вот здесь. У кого есть серебряный портсигар и кобура от нагана?.. Ещё вопрос, товарищи: где достать железное ведро? Требуется стрельба.

Закалённые в боях, красноармейцы и командиры отправлялись на поиски, и скоро весь госпиталь знал, что требуются бревно, портсигар и ведро для стрельбы.

В четверть седьмого ребята явились в зал, нагруженные театральным багажом.

Иванов стоял на сцене, глядя вверх и стараясь понять, отчего плохо открывается занавес.

— Ага! Прибыли! — забасил он, увидев ребят.— Чем порадуете, товарищи актёры?

Упираясь животами в край просцениума, «актёры» вскарабкались на помост.

— Сегодня совсем особенная постановка, товарищ военврач,— сказал Саша.

К Иванову подошла молоденькая сестра:

— Товарищ военврач, разрешите обратиться.

— Обращайтесь.

— Звонят шефы с завода, спрашивают, как здоровье товарища Емельяновой.

— Передайте: здорова, послезавтра выписываем.

Сестра отошла. Ребята переглянулись.

— Скажите,— осторожно спросил Сева,— товарищ Емельянова... Как зовут товарища Емельянову?

— Глафира,— ответил Иванов, глядя на занавес.— Я думаю, это всё тот узел задевает за кольцо.

— Да.. Может быть... задевает... Скажите, товарищ Емельянова... это случайно не та, которая Герой Советского Союза?

— Она самая. Нужно будет перевязать верёвку. Вы что, наверное, читали о Емельяновой?

Сева молчал.

— Так... кое-что... прорабатывали на сборе,— забормотал Саша.

Он посмотрел на ребят, и все почему-то на цыпочках удалились от Иванова.

Они вошли в маленькую коморку за сценой, служившую артистической уборной.

— Здорово? — сказал Саша тихо.

— Здорово! — так же тихо ответили ребята.

— Сама Емельянова будет смотреть, как мы про неё играем.

— Неловко,— сказал Коцуба.— Мало ли чего Севка про неё наврал.

— Я ничего такого особенно не наврал,— забормотал Сева.— В газете написано, что она

подожгла склад, и у меня она поджигает, в газете написано, что её пытали раскалённым стволом от винтовки, а у нас просто железные палки... Так что я особенно ничего не наврал.

— Ой! То-то и оно, что её по-настоящему пытали, а мы — понарошку. Да, ребята? — зашептал Валя.— Человека по-настоящему пытали, а тут... Может быть, Сева написал всякие слова, а она их и вовсе не говорила. Да?

Люба дёрнула плечами и отошла от ребят:

— Я, прямо, не знаю, как буду играть. У меня, прямо, всё настроение теперь пропало.

Ребята помолчали.

Саша взлохматил воображаемую шевелюру:

— Погоди, Сева! А что если тебе взять да переменить имена? Не Глафира, скажем, а Тамара. Может, не догадаются. А?

— Что ж... Пожалуйста. Я могу, конечно. Может, и не догадаются.

Сева очень быстро справился с задачей. Через полчаса занавес был закрыт и в зрительном зале уже гудела публика. Саша с двумя красноармейцами копошился в углу сцены, присоединяя к распределительному щиту провода от «костра» и ящика с «бликами пожара», а в артистической уборной две раненые сандружинницы ушивали на Яше и Вале взятые напрокат костюмы.

Люба, ещё не одетая, бродила по сцене, ожидая, когда освободится место у зеркала. Появился Сева. Вид у него был озабоченный. Сцену, очевидно, строили люди, мало знакомые с театральной техникой. Поэтому в подмостках не было люка за кулисами. Севе предстояло незаметно подползти под занавес, влезть в суфлёрскую будку и сидеть там до конца спектакля. Он слегка отвернул полотнище занавеса, чтобы взглянуть на будку.

Большой зал был уже полон, однако люди продолжали входить в него, двигаясь между рядами, смеясь и переговариваясь друг с другом. Среди синих больничных халатов белели халаты медицинского персонала. Среди стриженых голов красноармейцев виднелись женские причёски. Они принадлежали раненым сёстрам, дружинницам, связисткам и, может быть, партизанкам.

Сева долго смотрел в зал, переводя взгляд с одного женского лица на другое. Он думал о том, что вот здесь, близко находится девушка, о которой он написал свою пьесу. Одна, в тёмную декабрьскую ночь, она пробралась к настоящему врагу. Она видела настоящий пожар зажжённого ею склада. Она терпела прикосновение настоящего раскалённого железа. Она выдержала все мучения не на глазах у восхищённых зрителей, а в полутёмном холодном сарае, уверенная, что через час её, мёртвую, выкинут в овраг...

К Севе подошла Люба.

— Сева, ты на неё смотришь?

— Как я могу смотреть на неё, если я в глаза её не видал?

— Сева! Поди найди Иванова, и пусть он тебе её покажет. А после спектакля покажешь мне.

Сева подумал немного:

— Что ж... Я могу... Только вот спектакль скоро начнётся.

В зале военврача не было. Сева отправился к нему в кабинет. Дверь оказалась на запоре. Проискав минут двенадцать, Сева встретил, наконец, Иванова на лестнице.

— Ну? Готово у вас? — забасил тот.— К сожалению, не смогу присутствовать. Вызывает начальник госпиталя.

— Да? Жаль! — Сева помолчал.— Товарищ военврач... Тут все ребята... В общем они меня послали, чтоб я вас нашёл и чтоб попросил вас, чтобы вы показали нам Героя Советского Союза товарища Глафиру Емельянову. Мы...

— Да она же к вам пошла. Помогать одеваться.

— К нам?!

— Ну да. Полная такая. С косой до сих пор,—Иванов показал рукой на поясницу.

— Ага, к нам... Спасибо! До свидания, товарищ военврач... Большое спасибо.

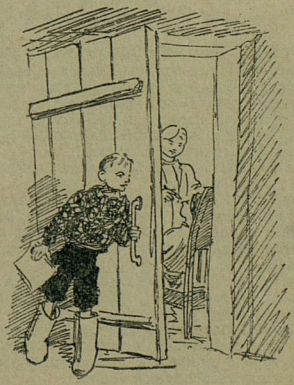
С бьющимся сердцем автор затрусил рысцой по коридору. За кулисами Саша нажимал уже кнопку, давал второй звонок. Яша расхаживал по сцене, совсем готовый к спектаклю. Валя в огромном шлеме, из-под которого виднелся лишь розовый подбородок, указывал пальцем на «столб пыток» и шептал:

— Я знать, кто вы такая. Вы партизанка.

Севу они не заметили. Не взглянул на них и Сева. Он перебежал через сцену и остановился у двери каморки. Страшная робость охватила его. Он помедлил немного, стараясь тише дышать; затем осторожно, на какие-нибудь пять сантиметров, приоткрыл дверь.

Спиной к нему перед зеркалом сидела Люба. А рядом стояла невысокая, полная девушка, одетая в синий халат. Светлые волосы её были гладко причёсаны и заплетены в косу, круглое лицо улыбалось. Держа в руках ватную стёганку, она негромко, но с увлечением говорила:

— Страшно люблю постановки! Бывало, в деревне соберёмся с ребятами в клубе и ну разыгрывать... И Островского «Бедность не порок» ставили и Чехова «Медведь»... А один раз даже оперу надумали поставить. Только не вышло что-то.



Люба примеряла шапку с ушами, сдвигая её то на лоб, то на затылок, то набекрень.

— Конечно! Театры — очень интересное дело. Только если, конечно, вам поручают хорошие роли. Дайте мне вон ту жжёную пробку.

Севе стало очень тревожно. Похоже было, что Люба не знает, с кем имеет дело. Он приоткрыл дверь пошире и, глядя в зеркало, стал делать таинственные знаки, показывая на Глашу. Но Люба не замечала его. Она водила жжёной пробкой по бровям и говорила, будто рублём дарила:

— Вообще, конечно, главное — это способности. Со мной, например, все девчонки перессорились, потому что мне всегда поручают главные роли. Во-первых, у них нет никакой внешности...

— Конечно, нужны способности,— закивала головой Глаша.— Без способностей...

— Подвиньте-ка зеркало сюда. Во-первых, у них нет никакой внешности, а во-вторых, не так уж просто создать... создать художественный образ...

— Это вы очень правильно сказали,— опять подтвердила Глаша.

Автор за дверью извивался от усилий. Просунув голову в щель, он делал знаки рукой, он таращил глаза и усиленно двигал губами, надеясь, что Люба заметит эти движения и прочтёт по ним: «Люба! Пойми! Это же она...» Но ничто не помогло.

Сева закрыл дверь. Он придумал, что делать. Нужно войти и обратиться к Емельяновой, назвав её по фамилии. Но что ей сказать? С чем обратиться? Под каким предлогом?

Раздумывая, Сева не слышал, как прозвонил третий звонок, не видел, что «фашисты», с диалога которых начиналась пьеса, стоят уже на сцене, готовые заговорить о неуловимом партизанском отряде. Опомнился он лишь тогда, когда к нему подлетел разъярённый режиссёр:

— Ты что, всех подвести решил? Я думал, он уже в будке, а он...

— Знаешь, кто там, у Любы? — начал было Сева.

— Скорей! Смотри! — взвизгнул режиссёр.

Полотнища занавеса медленно расползались в стороны. Секунду автор смотрел на них, застыв от ужаса. Потом разбежался и на глазах у зрителей нырнул в суфлёрскую будку, громко бухнув макушкой о фанерный верх.

Зрители фыркнули и утихли.

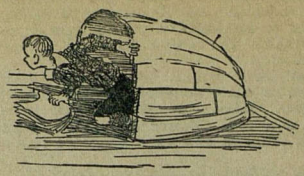
Представление пьесы Всеволода Басманного «Она молчит» началось.

Автор слегка высунул голову из будки и посмотрел направо. Там, за кулисой, режиссёр тряс ящик, а рядом, скрестив на груди руки, внимательно следя за действием, стояла Глаша.

Вяло, с трудом двигая языком, Сева подсказывал текст своего произведения. Вдруг до него донёсся шопот:

— Ну-ка... Потрясите минутку. Вот так...

Он опять высунулся из будки. Теперь уже Глаша трясла прибор, а режиссёр стоял без дела, грызя от волнения ногти.



Прошла не «минутка», а десять минут. Любу привязали к столбу. «Фашисты» пытали её, всё больше и больше входя в свою роль. Она же отвечала гордым молчанием, и лицо её, озарённое багровыми отблесками пожара, было очень красиво. Автор видел, что Глаша трясёт ящик, тяжело дыша, покусывая губы от усталости, а режиссёр не обращает на неё никакого внимания. Сева сбился, перестал суфлировать и снова принялся делать знаки. И сноза ничего не помогло.

И вот настал самый волнующий момент. В течение всего допроса молчала Люба, лишь иногда презрительно улыбаясь в лицо «фашистам». Но теперь, как бы собрав последние силы, она долгим взглядом обвела своих врагов, вздохнула поглубже и крикнула на весь зал:

— Жгите меня! Режьте на куски! Но знайте, проклятые собаки, что никогда Глафира Емельянова не предаст своих товарищей!

Зал ахнул и загудел. Глаша чуть приоткрыла рот и перестала трясти ящик.

— Трясите! Трясите! — зашипел режиссёр, натягивая полушубок.

Глаша взглянула на него и снова принялась добросовестно трясти.

Ничего не заметили артисты: ни сдержанного перешоптывания в зале, ни смущения Глаши, ни того, что автор не суфлирует больше, а сидит в будке, прислонившись щекой к стене, безнадёжно уставившись в пространство.

Отгремели «выстрелы», с воплями убежали «фашисты», и Саша отвязал от столба Любу, трижды назвав её Глашей.

Занавес закрылся. Ребята остановились среди сцены, тяжело дыша. Режиссёр потирал руки:

— Здорово! А? Слышите? Слышите, как хлопают!

— Хлопают-то, хлопают,— сказал Коцуба,— но ещё и смеются чего-то.

Из будки выполз Сева. Бледный, осунувшийся, он медленно доплёлся до ребят и молча уставился на Любу.

— Что это с тобой? — встревожился Коцуба.—Тебя точно телегой переехало.

Автор молчал ещё некоторое время, будучи не в силах говорить.

— А знаешь, кто тебе жжёную пробку подавал, пока ты важничала и фасонила со своей ролью?!. Герой Советского Союза Глафира Емельянова.

Он повернулся к Саше:

— А знаешь... Знаешь, кто тебе ящик

тряс, пока ты «вёл спектакль» и прыгал козлом за кулисами?.. Герой Советского Союза товарищ Глафира Емельянова.

Он снова сделал паузу и добавил более спокойно:

— Что уж говорить, что вы четыре раза назвали Любу Глашей...

Никто не расслышал последнего замечания. Как вкопанный стоял режиссёр. Неподвижно застыла Люба. На малиновом лице её блестели полные слёз голубые глаза.

Никогда ещё в зрительном зале не было так весело. Командиры, красноармейцы, сёстры, повскакав со своих мест, хлопали в ладоши, смеялись, кричали. Большая толпа стояла в проходе, окружив смущённую, улыбающуюся Глашу.

— Вот хитрецы, что задумали! — раздавались голоса.

— Поздравили с выздоровлением!

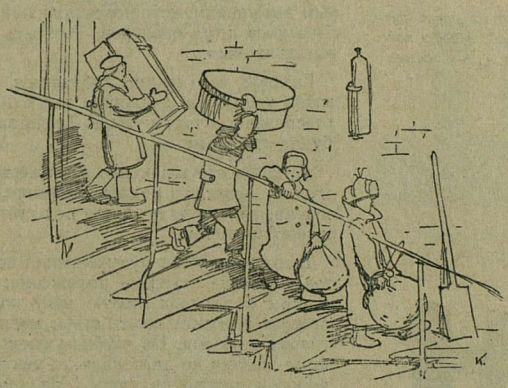
— Вот оперативность, так оперативность!

И никто из зрителей не видел, как по освещённой синими лампочками лестнице, крадучись, спускаются пять молчаливых фигур. Наскоро собрав костюмы, бутафорию, реквизит, «артисты» бежали.

* * *

В комнате драмкружка один угол отведён под театральный музей. Здесь на самодельных полках стоят макеты декораций, на стенах висят фотографии постановок и героев различных пьес.

Но самое почётное место здесь занимает неуклюжий дощатый ящик с патроном для лампочки и неровным красным стеклом. Он хранится на отдельном столике. Каждый раз, приходя на репетицию, Люба осторожно обтирает его тряпкой и только после этого превращается в отважную сандружинницу, Красную Шапочку или королеву из сказки Андерсена.



РИТМИЧЕСКАЯ ГИМНАСТИКА

М. Король

Древний греческий философ и учёный Платон называл хромым того человека, который был не в одинаковой мере развит физически и духовно. В древней Греции идеалом был не только сильный и здоровый человек, но человек гармонически развитый, человек красивый, изящный и стройный. На олимпийских играх соревновались в силе и выносливости и в искусстве ритмической гимнастики, и в танцовальном искусстве.

На этой странице вы видите девочек, исполняющих вольные ритмические упражнения. Обратите внимание на их осанку, на изящные и грациозные их движения.

Займитесь и вы ритмической гимнастикой. Она разовьёт у вас чувство ритма, гибкость, сделает ваше тело изящным и стройным. А это очень пригодится, когда вы станете учиться танцовать.

В этом номере мы помещаем объяснения к вольным движениям, которые исполняют девочки из Московского дома пионеров. Разучите и вы эти вольные движения.

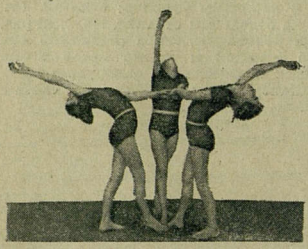
Главное, чего нужно добиваться,— чтобы все девочки исполняли движения как одна, дружно и согласованно, в такт музыке. Тогда ваше выступление будет красивым.

Лучше всего эти вольные движения исполнять под музыку — вальс в медленном темпе,— а если некому играть, то можно и просто под счёт. Только считать нужно медленно.

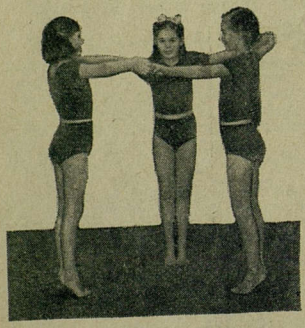
В то время когда музыка играет вступление (8 тактов), займите исходное положение: станьте друг за другом в затылок, левую руку поднимите вперёд, правую отведите назад, вниз, кисти рук свободны, голова опущена. Из глубины сцены пробегите мелкими шагами по диагонали до центра, а затем с поворотом налево по кругу. На последние 2 такта станьте в круг, лицом внутрь, опустите левую руку, а затем, поднимаясь на носки, поднимите руки вверх, смотрите при этом на руки.

1, 2, 3, 4-й такты. Опускаясь на всю ступню, опустите руки вперёд и вниз и возьмитесь за руки. Согните правую ногу в колене и поднимите вперёд, наклоните корпус вперёд, голову вниз и отведите руки назад.

5, 6, 7, 8-й такты. Правую ногу поставьте вперёд на носок, выпрямьте корпус, опустите руки вниз и поднимите вперёд. Держа друг друга за левую руку, отклонитесь назад, правую руку поднимите вверх.



...Держа друг друга за левую руку, отклоните корпус назад, правую поднимите вверх (5, 6, 7, 8-й такты).



...Возьмитесь снова за руки (11—12-й такты).

9, 10-й такты. Выпрямьтесь, приставьте правую ногу к левой и возьмитесь за руки. Отбегая мелкими шагами назад, отведите руки в стороны, а затем вниз, отпустите руки.

11—12-й такты. Возьмитесь снова за руки. Одна из девочек проходит под руки двух других, которые поворачиваются направо и налево кругом и становятся спиной друг к другу, руки поднимите вверх, смотрите на руки.

13—14-й такты. Сделайте выпад правой ногой вперёд, туловище наклоните назад.

15-й такт. Встаньте на правую ногу, приставив левую, руки опустите в стороны и вниз. Повернитесь налево кругом, руки поднимите в стороны.

16-й такт. Опуститесь на левое колено, руки вниз.

17, 18, 19, 20-й такты. Отодвиньте правую ногу назад — сделайте «полушпагат»,— поднимите левую руку вперёд, вверх, правую назад.

21-й такт. Поставьте правую ногу, согнутую в колене, вперёд, станьте на левое колено, руки опустите вниз.

22-й такт. Встаньте на левой ноге, приставьте правую и поднимитесь на носки, подняв руки вверх.

23-й такт. Повернитесь лицом к зрителю.

24-й такт. Постройтесь в одну шеренгу и опустите руки вперёд и вниз.

25, 26, 27, 28-й такты. С поворотом налево наклонитесь вперёд, правую ногу отставив назад. Левую руку поднимите вперёд, правую вытяните назад.

29, 30-й такты. Приставьте левую ногу к правой, при этом повернитесь налево, руки поднимите в стороны, поднимитесь на носки.

31, 32-й такты. Опуститесь на всю ступню, руки вниз.

Займите исходное положение и уходите в таком же порядке, как и вошли.

* * *

Как заниматься физкультурой в пионерском звене и отряде, какие интересные игры можно провести,— об этом вы узнаете из книг, вышедших в 1943 году в издательстве «Физкультура и спорт»:

М. А. Черевков «Военно-физкультурная работа в пионерском звене и отряде».

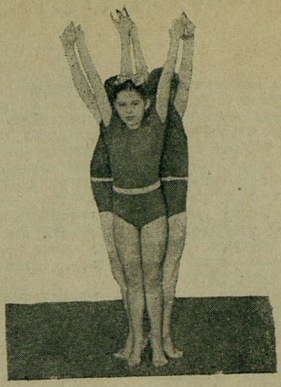
М. А. Черевков «Гимнастика на местности».

В. Г. Яковлев «Игры в пионерском отряде и школе».

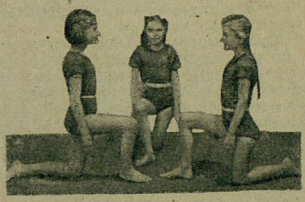
В. В. Арцишевский «Детские военизированные игры».

Обязательно достаньте и прочитайте эти книги.

* * *



...Станьте спиною друг к другу, руки поднимите вверх (11—12-й такты).



...Опуститесь на левое колено, руки вниз (21-й такт).

...Повернитесь налево и наклонитесь вперёд, отставив правую ногу назад (25, 26, 27, 28-й такты).

РОДОСЛОВНАЯ «КАПИТАНА»

Лев Успенский

Что значит слово «капитан», знает, безусловно, каждый из нас. Оно означает определённое воинское звание, чин.

Но вот почему это звание означается именно таким словом «ка-пи-тан»,— это далеко не столь ясно.

Слово «поручик» происходило от глагола «поручать». Об этом нетрудно догадаться, даже не зная этого, так сказать, «дойдя своим умом».

Слово «прапорщик» произведено от «прапор». В старом русском языке «прапор» значило «знамя». Следовательно, «прапорщик» имел отношение к знамени, может быть, командовал частью, имевшей свой «прапор», значок, стяг.

А «капитан»? Откуда взялось это слово? В русском «корнеслове», в перечне корней русских слов, вы такого корня, пожалуй, не найдёте; чтобы установить родословную «капитана», нам придётся, как говорится, «устремиться в глубь веков...».

Существовало в латинском языке у древних римлян слово «ка́put» (caput). Значило оно «голова». Как очень часто случается во всех языках мира, слово это наряду со своим первоначальным, исходным значением (голова — часть тела животного) приобрело ряд значений переносных.

Голова — важнейшая, основная часть любого организма. Вот почему в древней латыни, как и в русском языке, со словом, означающим голову, связалось понятие главенства, чего-то важнейшего, самостоятельного, основного.

Благодаря этому у нас, русских, слово «голова» стало, например, означать «бургомистра», «мэра» («городской голова». Помните у Гоголя: «Голова и сед и крив»?), а в другой форме («глава») — самостоятельную часть текста, купол церкви и пр. Возникло слово «главный». Образовалось слово «головной» (передовой, ведущий, «головной отряд»).

Совершенно так же в латинском языке прилагательное «капиталис», происшедшее от слова «капут», стало значить «главный», «основной». «Капиталом» уже очень давно начали называть основные средства, главное имущество, а затем — и вообще всякое богатство. От этого слова пошли в языке учёных людей разных стран, любивших изъясняться по-латыни, такие термины, как «капиталист», «капиталистический» и т. п.

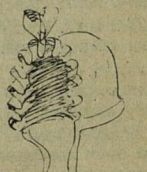
В том же, латинском языке возникло слово «капитулум». Прямой смысл его был «головка», а переносное — «глава, главка» в книге, в тексте. Могло означать оно также различные верховные учреждения. От этого слова пошло довольно обильное потомство, причём иногда «дети и внуки» оказываются очень мало похожими, на первый взгляд, на своего предка, на «ка́put».

Есть во французском языке слово «шапитр» — глава книги. Казалось бы, что общего между «шапитр» и «ка́put»?

Однако, если выписать столбиком такой ряд слов:

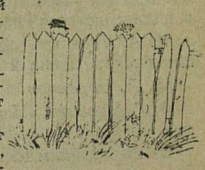
«шапитр» — «châpitre»,
«капитул» — «capitulum»,
«ка́put» — «caput»,

родство между ними становится более или менее вероятным. Не так ли? По звукам слова эти, переходя из языка в язык, разошлись довольно резко. Но правописание ещё сохранило сходство между ними: орфография, как известно, на радость учёным, на горе ученикам, цепко держится за старинку.



Теперь вас не удивит, конечно, если мы скажем, что и английское «шэптр», «глава книги», — слово того же корня. Вспомните, как оно пишется: «chaptre». Это ведь то же «châpitre»!

Такова одна линия потомков слова «ка́put». Но есть и другие. По дорогам Италии доныне бродят странствующие монахи — капуцины. Они называются так потому, что голову каждого из них (его «ка́put»!) украшает своеобразный «капюшон», именуемый по-итальянски «капуцца». Надо ли говорить, что слова «капюшон» (французское) и «капуццино» (итальянское) — родные братья, а головной убор «капуцца» происходит от «головы» («ка́put»).



Я думаю, теперь не вызовет больших споров, если я скажу, что и следующие слова тоже произошли от «ка́put»:

«капор» —
«кэпка» (английское «cap»)

и даже «капот» (по-французски «capot») означает всякую «покрышку» вообще, а не только женское платье. «Капот» — ши-

нель зуава; «капот» — крышка автомотора. Этот последний термин перешёл и к нам.

Вас не удивит теперь и существование в сербском языке слова «капа», означающего шляпу. Всё это, бесспорно, дальние родственники латинской «головы», «капут»; всё это двоюродные братья «капитана» и «капитула». Стоит ли говорить, что такие слова, как «капитэль» («верхушка колонны»), того же происхождения.

Мы можем, наконец, вернуться к нашему слову «капитан». Оно, несомненно, состоит в близком родстве со всей этой сложной гроздью слов. Русское «капитан», французское «капитэн» («capitaine»), английское «кэптин» («captein») — все они произошли от итальянского «capitano», а «капитано» значило и значит «главный», «набольший». Стоит заметить, что для русского слуха слово «капитан» звучит странно, требует объяснения, нам бывает желательно понять его происхождение (этимологию, как говорят языковеды). Для итальянца же «capitano» явным образом связано с корнем «car», означающим «главу», «голову»; там оно столь же ясно, как в нашем языке слово «главный».

Поразить вас ещё раз под конец? Я утверждаю, что наше слово «шапка» тоже происходит от «капут». Не верите? Сопоставьте его с французским словом «шапо» («шапка, шляпа»). Вспомните, что это «шапо» пишется так:

«chapeau»,
Сравните его со словами
«châpitre»,
«caput»

и вы убедитесь, что это так.

И последнее: не думаете ли вы, что любимое немцами слово «капут» тоже связано с этим рядом значений? Ведь недаром «капут» значит «пропала моя головушка!»

Хочешь верь, хочешь нет,—а...

...На свете существуют река А, фиорд У, город Э. По имени одного из этих географических объектов был назван датский пароход «У-фиорд», дымовой султан которого привлёк к себе внимание немецкой и английской эскадр 31 мая 1916 года и послужил прямой причиной Ютландского боя, самого крупного морского сражения первой мировой войны.

...Во Франции в начале XIX века жило семейство, которое в память Великой французской революции приняло фамилию «Тысяча семьсот девяносто три» («Мильсэсанкатревэнтрез»). Три вновь родившихся члена этой семьи получили имена «Январь» («Жанвье»), «Февраль» («Феврье») и «Март» («Мар»). Удивительней всего, пожалуй, что Март Тысяча семьсот девяносто три скончался в ноябре тысяча восемьсот тридцать второго года!

...За доказательство знаменитой теоремы Ферша один учёный в середине прошлого столетия установил премию в 200 тысяч марок, вместе с процентами с них. Доныне теорема эта ещё не доказана, и премия ждёт удачливого счастливца.

...Если бы сила тяготения внезапно исчезла и вода утратила вес, то уровень океана, по исчислению английского физика Тэта, повысился бы в среднем на 35 метров (сжатая своей собственной тяжестью, вода «расправилась бы») и затопил бы около 5 миллионов квадратных километров суши, т. е. площадь, бо́льшую, чем половина Австралийского континента.

...Арабы считают, что у человека нормальное, хорошее зрение, если он может без труда рассмотреть маленькую звёздочку Алькор, совсем рядом с Мизаром, второй звездой от конца хвоста Большой Медведицы. Проверьте этим способом свои глаза.

...Каракатицы, осьминоги и другие близкие к ним жители моря, а также медузы, личинки стрекоз и прочие передвигаются в воде, применяя принцип ракеты, реактивного движения, т. е., иначе говоря, «отдачи». Забирая воду во внутренние полости, они затем с силой выталкивают её вон из тела. Происходит как бы маленький выстрел, и возникающий «откат» заставляет животное довольно быстро устремиться в противоположную сторону.

...Наш обыкновенный угорь для метания икры отправляется через всю Атлантику к берегам Америки. Молодь, вылупившаяся там из икры, взрослея, также пересекает океан, прежде чем поселиться в наших речках.

...В древнерусском языке ружьё носило странное название «тюфяк», от турецко-татарского слова «тюфэк», означающего огнестрельное оружие.

Ответы на задачи, помещённые в № 11—12

7	5	6
8	2	1
4	3	

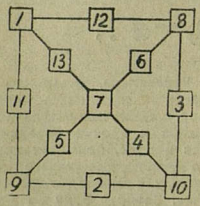
Для того чтобы эти цифры разместить попорядку, их надо передвигать, пользуясь свободной клеткой, в следующей очереди:

1, 2, 3, 1, 2, 6, 5, 3, 1, 2, 6, 5, 3, 1, 2, 4, 8, 7, 1, 2, 4, 8, 7, 4, 5 и 6.

Всего — 26 перемещений.

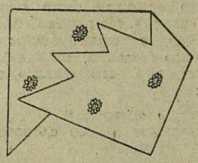
* * *

Цифры в квадратиках этой фигуры располагаются вот так:

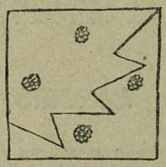


* * *

Вот как надо разрезать материю на две части.



Теперь из этих двух кусков легко сложить квадрат.



Кто это?

Никто из наших читателей не узнал в зверьке, свернувшемся на кусте репейника, летучую мышь!

Задачи-шутки

❄

Некто имел часы. Они отбивали часы, а получасы по одному удару. Однажды он возвратился домой поздно ночью. Когда он открывал дверь, то услышал один удар. Через полчаса раздался ещё один удар; через полчаса — ещё один удар, и, наконец, услышав ещё один удар, он заснул. В котором часу он вернулся?

❄

Охотник вышел из пункта А на охоту. Он прошёл пять километров в южном направлении в пункт Б. Затем повернул на запад и прошёл три километра в пункт В. Здесь он убил медведя. Оказалось, что расстояние между пунктами А и В равно расстоянию между А и Б. Какого цвета был убитый медведь?

❄

Как предотвратить испарение кипящей в кастрюле жидкости?

СОДЕРЖАНИЕ

Рождён Петром и Лениным воспитан. — *Стихи Веры Инбер* . . . . . II п. обл.
Город русской славы. — *И. Рахтанов* . . . . . 1 стр.
Рассказы из жизни. — *Герой Социалистического Труда А. С. Яковлев. Рис. К. Арцеулова* . . . 5 „
Мать. — *Стихи З. Александровой* . . . . . 10 „
Александр Молодчий. — *Лев Славин. Рис. В. Цельмера* . . . . . 11 „
Суворовцы. — *М. Кинцис* . . . . . 16 „
Товарищу. — *Стихи А. Твардовского* . . . . . 21 „
Страницы из русской истории . . . . . 22 стр.
Спектакль. — *Рассказ Ю. Сотника. Рис. А. Каневского* . . . . . 23 „
Ритмическая гимнастика. — *М. Король* . . . . . 28 „
Родословная „капитана". — *Лев Успенский. Рис. А. Каневского* . . . . . 30 „
Ответы и задачи . . . . . 32 „
Пионерский почин . . . . . III п. обл.
Летопись наших дней . . . . . IV п. обл.

На обложке: рисунок лауреата Сталинской премии Н. Жукова „Суворовцы".

Редколлегия: **Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В.** (отв. редактор), **Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Сафонов В. В., Сысоева А. А.**

Подписано к печати 31/III—44 года. Изд. № 216.

А-5122. 82×110. 1/16 бум. листа. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 2 п. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Зак. 121. Тираж 24.000 экз.

ПИОНЕРСКИЙ ПОЧИН

Истра была зелёным, цветущим городом. Вокруг домов зеленели фруктовые деревья, пестрели цветники.

Немцы разрушили этот живописный город, они вырубили и сожгли сады, вытоптали цветники.

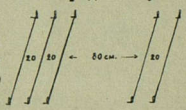
Юные мичуринцы Центральной станции юннатов города Москвы решили помочь возрождению садов в Истринском районе. Они заготовили 3500 черенков чёрной смородины. Из этих черенков они сами вырастят кусты и пересадят их в сады истринских колхозов. И уже на следующее лето истринцы соберут первый урожай вкусной, душистой, богатой витамином С чёрной смородины.

Это сделали 27 юных мичуринцев. Подумайте, как много можно сделать, если все пионеры и школьники поддержат этот прекрасный почин! Сделать то, что сделали московские мичуринцы, может каждое пионерское звено, каждый пионерский отряд. Какую огромную помощь окажете вы районам, освобождённым от немцев! Не теряйте времени, дружно беритесь за дело!

С ЧЕГО НАЧАТЬ?

Лучшее время для заготовки черенков чёрной смородины — март. Срежьте с культурных или с дикорастущих урожайных кустов 6—8 однолетних побегов с хорошо развитыми почками (не срезайте больше: это снизит урожай куста). Срезанные побеги разрежьте на черенки длиной в 25—30 сантиметров, свяжите черенки в пучки и прикопайте в подвале, во влажном песке, или в саду, в снегу, где не будет застаиваться вода.

Ранней весной, до распускания почек, вскопайте землю, разрыхлите её хорошенько и высадите в неё черенки. Сажайте черенки рядами — строчками. Чтобы ряды получились ровными, наметьте их сначала шнурком, вот так (рис.). Заострённым колышком сделайте углубление в земле и посадите черенок так, чтобы он был наклонён на 45° и чтобы из земли выглядывали только две верхние почки (рис.). Посадите черенок и сверху закройте его слоем перегноя в 3—4 сантиметра: это предохранит черенок от лучей солнца и высыхания.



Вскоре на черенках появятся первые листочки. Хорошенько взрыхлите землю и закройте почву между рядами перегноем, торфом, опилками или навозом, чтобы меньше испарялась влага из почвы.

В течение лета почву нужно рыхлить 3—4 раза. Когда черенки приживутся и тронутся в рост, подкормите их жидким удобрением (навозной жижей, разбавленной водой: к ведру удобрения нужно добавить 2—3 ведра воды).

Если вы будете хорошо ухаживать за своим питомником, к осени вы вырастите кусты, готовые к пересадке в сад. На следующее лето с этих кустов можно будет собрать первый урожай.

За советом и помощью обращайтесь на Центральную станцию юннатов по адресу: Москва, 65, Ростокинский проезд, дом 3.

Цена 3 руб.

Наши наступают.

Акварель. Вадим Пахомов (14 лет).

Летопись наших дней

Мы живём в великое время. С волнением и гордостью будут припоминать потом люди все подробности той борьбы, которую ведёт сейчас наш народ. Каждый день, каждый час в любом уголке страны — и на фронте и в тылу — происходит много замечательного.

Мы хотим знать обо всём этом. И хотим, чтобы другие знали.

Фоторепортёры и кинооператоры идут по горячим следам боёв. Благодаря им мы видим на экранах кино и на страницах газет и журналов поля сражений, узнаём о героических подвигах. Писатели, художники, журналисты трудятся, создавая книги и картины о нашем времени. Они стараются запечатлеть его как можно правдивей и полней.

В этом вы все можете участвовать, ребята. Вы слышите рассказы приехавших с фронта бойцов,— записывайте же наиболее интересные из них, делайте к ним рисунки. Записывайте и зарисовывайте самое значительное из того, что происходит вокруг вас. Пусть ребята, живущие в освобождённых от врага районах, отмечают, как шаг за шагом снова возрождается жизнь на истерзанной немцами земле. А ребята глубокого тыла расскажут о том, чем они помогают этому возрождению. Многие из вас во время войны приехали в новые места — исследуйте и описывайте их. Вадим Пахомов, рисунок которого вы видите тут,— ленинградец. Теперь он живёт в Миассе. Очень хорошие зарисовки с видами Миасса привезёт он в свой родной город. Вадим изображает в своих рисунках и боевые эпизоды. Один из них мы тут помещаем.

Пристальней вглядывайтесь в жизнь: это поможет вам глубже узнать и сильней полюбить свою родину и свой народ.

Особенно интересно будет, если вы станете работать целым коллективом, — одни из вас умеют рисовать, другие хорошо пишут.

Присылайте нам свои работы.